

ТОП 10

РИСКОВ ДЛЯ
ЕВРАЗИИ
2021

ASTANA
CLUB

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЙТИНГ «ТОП-10 РИСКОВ ДЛЯ ЕВРАЗИИ В 2021 ГОДУ»

Содержание

Предисловие	04	
Введение	06	
РИСК 1	Пандемия 2.0	12
РИСК 2	Восстановление под угрозой	20
РИСК 3	Холодная Война США и Китая	28
РИСК 4	Кризис вокруг Ирана	36
РИСК 5	Декаплинг	44
РИСК 6	Демонтаж режима ядерного нераспространения	52
РИСК 7	Взрыв социальных протестов	60
РИСК 8	Глобальный кибер-кризис	68
РИСК 9	Цифровой тоталитаризм	76
РИСК 10	Провал декарбонизации	84
Заключение	92	
Список составителей рейтинга	94	
Методология и авторские права	97	
Контактная информация	98	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главной проблемой в прогнозировании будущих кризисов является то, что люди склонны игнорировать любые риски и угрозы до их непосредственного возникновения. Горизонт планирования, как правило, довольно узок – мы предпочитаем фокусироваться на более краткосрочных задачах, представляющих значение «здесь и сейчас».

Неудивительно, что практически незамеченными остались предупреждения экспертного сообщества о растущих эпидемиологических угрозах. Одно из последних предупреждений прозвучало в докладе «Мир в опасности», опубликованном в сентябре 2019 года при поддержке Всемирного банка и ВОЗ. Авторы документа предупреждали о растущих угрозах глобальной пандемии, которые могут вызвать колоссальные негативные последствия для всего мира.

Однако международное сообщество было поглощено более, как ему казалось, насущными проблемами, включая обсуждение Брекзита, американо-китайскую торговую войну и многочисленные внутривнутриполитические конфликты и скандалы. Упомянутый выше доклад о возможной пандемии, как и многие другие предупреждения учёных и экспертов, остался без какого-либо серьезного внимания и изучения.

Что было дальше – уже история. Локальная вспышка неизвестного вируса в городе Ухань за считанные недели парализовала экономику Китая, стремительно распространяясь по всему миру.

Последовавший глобальный локдаун спровоцировал беспрецедентную за последние почти сто лет рецессию мировой экономики и колоссальный по своим масштабам социальный и гуманитарный кризис, унесший уже свыше 2 миллионов жизней.

Сегодняшние оценки большинства аналитиков и публицистов сводятся к тезису о том, что мир уже никогда не будет прежним. Международная система, сложившаяся по итогам завершения Холодной войны в 90-е годы прошлого века, окончательно подходит к своему концу. Пандемия стала мощнейшим катализатором, резко ускорившим слом сложившегося миропорядка, признаки разрушения которого уже отчётливо наблюдались все последние годы.

В итоге мы видим, что мировой центр силы резко сместился в Азию. Китай, который первым и с наименьшими потерями выходит из пандемии, ощущает себя на мировой арене как никогда более уверенно, что вызывает нескрываемое беспокойство со стороны других крупных глобальных игроков, прежде всего США.

Отношения между Китаем и коллективным Западом, по-видимому, вступают в новое, крайне опасное и нестабильное состояние, которое всё больше напоминает начало новой Холодной Войны.

На фоне пандемии COVID-19 популярность стремительно набирают такие идеи, как «ресурсная самодостаточность», «технологический» и «цифровой суверенитет».

Судя по всему, неограниченная глобализация надолго уступает место «национальной повестке», а наличие твердых границ между государствами вновь обретает прежнюю актуальность.

По сути, мир переживает глубочайшую коррозию международного либерального порядка и всех его базовых принципов. Пандемия вновь вернула суверенное национальное государство в центр повседневной жизни людей, а роль институтов глобального управления становится всё более размытой и условной.

Пример Китая и ряда других стран Азии в борьбе с коронавирусом оживил дискуссии о том, что государство не должно выполнять лишь роль «ночного сторожа». Жёсткие, вертикально интегрированные системы государственного управления оказались намного более эффективными в условиях возникшей чрезвычайной ситуации.

Еще одним глобальным трендом стал расширяющийся цифровой контроль над населением, который сыграл свою роль в борьбе с пандемией в целом ряде стран. Однако этот успех имеет двойственную природу. Беспрецедентный уровень концентрации потоков персональных данных в руках технологических компаний угрожает самим основам демократии. Складываются предпосылки установления так называемого цифрового тоталитаризма со стороны ряда крупнейших корпораций и стоящих за ними государств.

В итоге, уже сегодня мы наблюдаем небывалое обострение глобальной конкуренции в сфере контроля над потоками цифровых данных и инфраструктурой их передачи.

Информация, которую генерируют люди становится «новой нефтью» в 21 веке.

К технологической гонке США и КНР в таких сферах, как сети связи 5G и обработка больших данных, всё активнее подключаются и другие страны, которые не желают попадать в одностороннюю цифровую зависимость ни от одного из двух глобальных лидеров.

В результате, на наших глазах мировая система становится всё более конфликтной и фрагментированной. Во всех её измерениях, от геополитики и торговли до соцсетей и новых технологий возникают разломы и точки напряжения, способные в любой момент спровоцировать неконтролируемую спираль дестабилизации.

Таким образом, 2021 год не обещает быть более легким. Напротив, груз накопленных проблем и противоречий грозит взорваться новыми, еще более масштабными кризисами, которые не оставят в стороне ни одну из стран Евразии.

Но как гласит известная максима: Praemonitus, praemunitus – Кто предупреждён, тот вооружён.

Представляемая очередная редакция Рейтинга Топ-10 рисков для Евразии, обозначая ряд важных сюжетов для крупнейшего мега-региона мира в 2021 году, способствует повышению стратегической осведомлённости, а значит, и готовности к отражению возможных будущих проблем.

ВВЕДЕНИЕ

В третьем выпуске Рейтинга эксперты Астана клуба выделили ТОП-10 наиболее вероятных рисков, с которыми могут столкнуться страны макрорегиона Евразия в 2021 году.

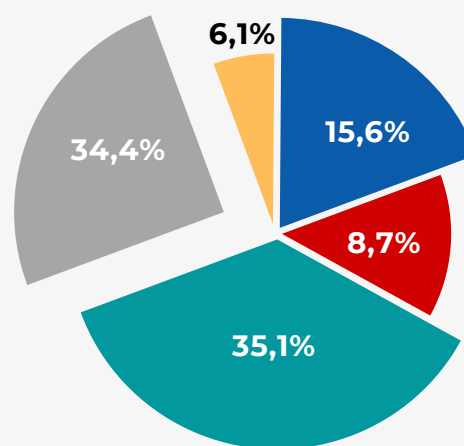
ТОП-10 рисков для Евразии в 2021 году

1	ПАНДЕМИЯ 2.0
2	ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОД УГРОЗОЙ
3	ХОЛОДНАЯ ВОЙНА США И КИТАЯ
4	КРИЗИС ВОКРУГ ИРАНА
5	ДЕКАПЛИНГ
6	ДЕМОНТАЖ РЕЖИМА ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
7	ВЗРЫВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ
8	ГЛОБАЛЬНЫЙ КИБЕР-КРИЗИС
9	ЦИФРОВОЙ ТОТАЛИТАРИЗМ
10	ПРОВАЛ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

В опросе «ТОП-10 рисков для Евразии 2021» приняли участие свыше 1200 профессиональных респондентов, включая представителей государственных структур, бизнеса, международных организаций, научно-исследовательских институтов и НПО.

Географический охват опроса увеличился на 19% по сравнению с прошлым годом. Всего в опросе приняли участие респонденты из 75 стран Евразийского континента.

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ

- Государственные учреждения
- Международная организация
- НПО
- Бизнес
- Научно-исследовательский институт

Также развернутые ответы на вопросы по всем десяти рискам рейтинга дали свыше 40 контрибьюторов из числа авторитетных политиков, дипломатов, выдающихся ученых и экспертов с мировым именем.

В целом, как показал анализ мнений и оценок экспертов рейтинга, большинство сценариев развития в 2021 году будет зависеть от процессов, вызванных пандемией COVID-19 в 2020 году. Пандемия сыграла роль глобального триггера, запустив целый спектр новых рисков, вызовов и угроз.

Наибольшее беспокойство у экспертов вызывают последствия пандемии COVID-19, которые оказывают негативное влияние на мировую экономику и геополитику, меняя устоявшиеся паттерны международного взаимодействия.

Так, около **67%** опрошенных считают, что мировое сообщество может столкнуться с очередным полномасштабным **экономическим кризисом**. При этом, большинство экспертов считает, что кризис будет неоднородным и именно менее развитые экономики окажутся в зоне наиболее высоких рисков.

Данные процессы, в свою очередь, негативно отразятся на мировой деловой активности и реализации крупнейших трансрегиональных экономических проектов. К примеру, около 50% опрошенных считают, что пандемия негативно отразится на реализации инициативы **«Пояс и путь»**, нанеся удар по экономическим планам Китая и других участников инициативы.

Будет ли мир готов к следующей волне пандемии COVID-19 в 2021 году?

65,06%

34,94%

- **Скорее всего да.** Многие страны и международные организации предпримут необходимые меры для противостояния новой волне пандемии.
- **Скорее всего нет.** Ввиду растущей международной разобщенности страны не смогут вовремя подготовиться к новой волне Пандемии.

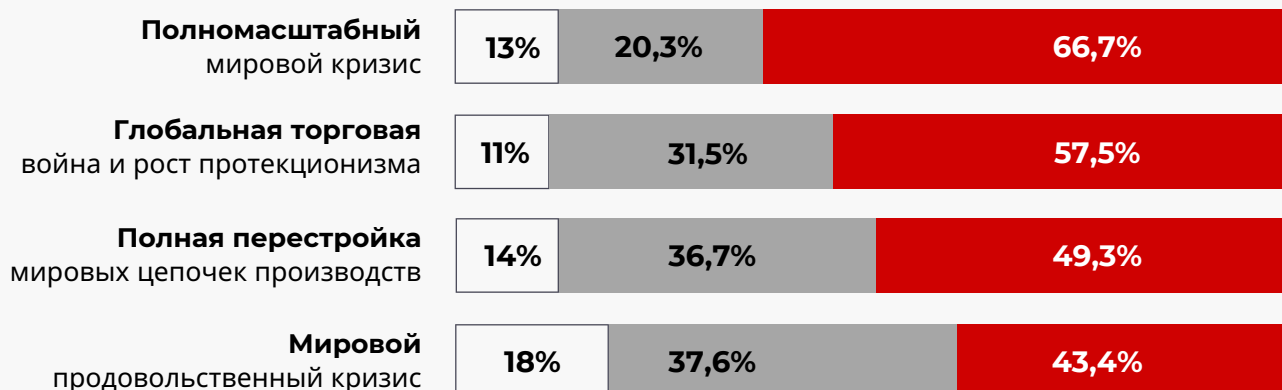
По мнению более половины опрошенных экспертов, мир столкнется с новой волной пандемии в 2021 году. При этом, свыше 65% респондентов уверены, что в этом году международное сообщество будет лучше подготовлено к отражению очередной волны пандемии.

ОЦЕНИТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ СЛЕДУЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В 2021 ГОДУ

□ Низкая

■ Средняя

■ Высокая

В то же время большинство экспертов полагает, что говорить о скорой победе над пандемией весьма преждевременно. Ключевым фактором станет повсеместное **обеспечение вакцинами** и их эффективность. Однако ожесточенная конкуренция стран мира за более раннее обеспечение вакцинацией может усилить международное противостояние и лишь усугубит ситуацию.

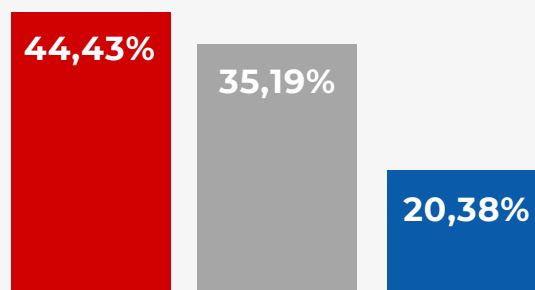
Результаты опроса также показывают **высокий уровень геополитических рисков**. Беспокойство относительно спада международного сотрудничества отражается и на оценке вероятности кризиса глобальных институтов и системы торговых отношений.

По мнению опрошенных экспертов, ключевыми точками геополитического напряжения могут стать отношения **США с КНР и Ираном**. Так, более 85% респондентов высоко оценивают вероятность начала «Холодной Войны» между США и КНР. Также более 44% считают, что Вашингтон усилит экономическое давление на Тегеран.

В целом, респонденты пессимистично настроены относительно перспектив

восстановления уровня доверия на мировой арене и считают, что кризис международного сотрудничества продолжит углубляться в 2021 году.

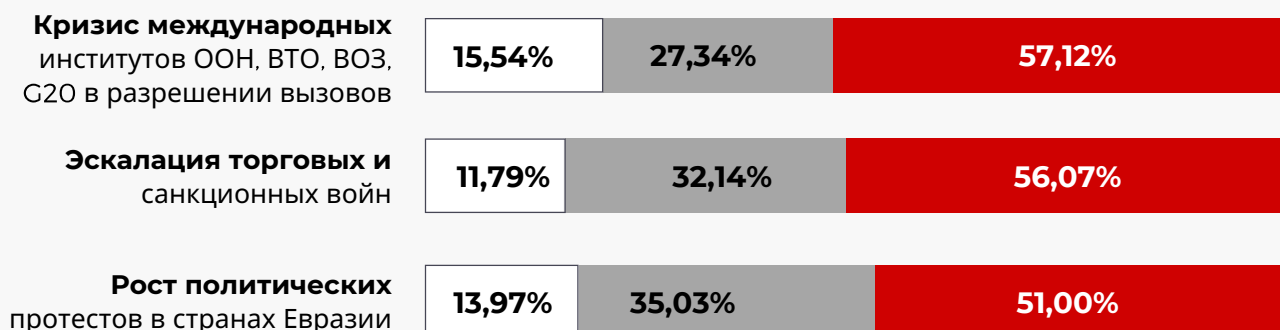
ОЦЕНИТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ США ПРОТИВ ИРАНА В 2021 ГОДУ

- **Вероятнее всего, США усилят давление** через экономические санкции и посредством подрывных операций
- **Нет. Конфликт останется в замороженном состоянии** без существенной эскалации
- **Да, существует большая угроза** полномасштабной военной операции против Ирана, инициируемая США и ее союзниками в 2021 году

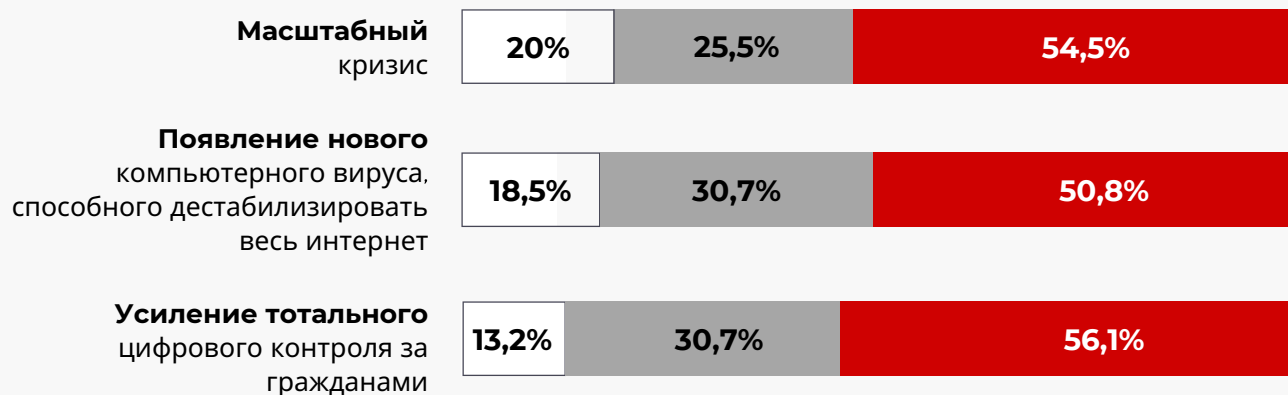
ОЦЕНИТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ СЛЕДУЮЩИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В 2021 ГОДУ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

□ Низкая ■ Средняя ■ Высокая

ОЦЕНИТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ СЛЕДУЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ В 2021 ГОДУ

Низкая
 Средняя
 Высокая

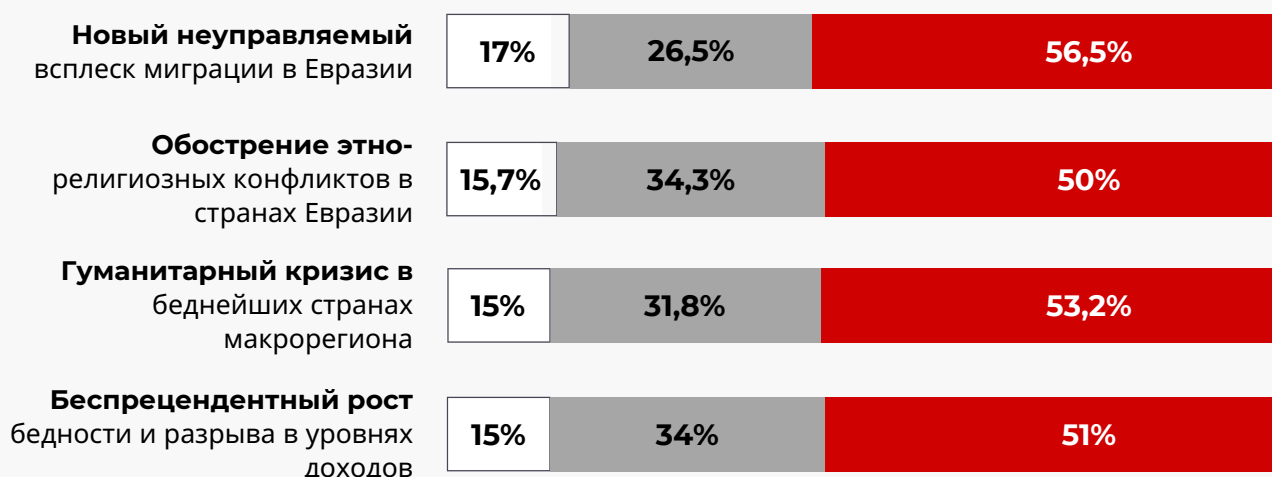

Другая проблема, угрожающая архитектуре безопасности Евразии – **растущий уровень угроз в киберпространстве**. Так свыше половины участников опроса считают высокой вероятностью полномасштабного киберкризиса и появления нового компьютерного вируса способного дестабилизировать всю глобальную сеть Интернет.

Кроме того, масштабные процессы цифровизации на фоне пандемии вызывают у подавляющего большинства экспертов серьезные опасения относительно тенденций бесконтрольного **усиления цифрового контроля над людьми**.

ОЦЕНИТЕ ВЕРОЯТНОСТЬ СЛЕДУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ В 2021 ГОДУ

Низкая
 Средняя
 Высокая

В качестве ключевых рисков, угрожающих стабильности Евразии в 2021 году, выделены также такие факторы, как обострение миграционных, этнических, медицинских кризисов, а также беспрецедентный рост бедности и уровня имущественного неравенства.

Рост неравенства и бедности, усиленные пандемией, неизбежно вызовут рост социальных и политических протестов практически во всех частях Евразии.

Наконец, эксперты высоко оценивают вероятность **серьезного отката в процессах декарбонизации** и зеленого развития в 2021 году. Приоритет ускоренного восстановления экономик от последствий пандемии заставит многие правительства, особенно развивающихся стран, сделать ставку на более дешевые источники энергии, такие как уголь.

Также около 60% ожидают, что экономические последствия пандемии пагубно скажутся на финансировании международных климатических соглашений и инициатив.

Произойдет ли существенное сокращение финансирования глобальных экологических инициатив в 2021 году?

57,2%

42,8%

- **Да**, пандемия и вызванные ею мировой экономической кризис отодвинул вопросы финансирования климата на второй план
- **Нет**, финансирование климата не будет остановлено и ведущие государства мира смогут наладить действенные механизмы партнерства по борьбе с экологическими вызовами

В целом, как показывают результаты опроса Астана клуба, главными вызовами в 2021 году станут борьба с последствиями пандемии и экономическое восстановление.

Геополитика в 2021 году окажется под властью узконациональных интересов. Все это углубит взаимное недоверие на международной арене и может до опасного уровня обострить уровень конфронтации между ключевыми державами.

Таким образом, ситуация в Евразии в 2021 году будет оставаться крайне взрывоопасной, с высокими рисками неопределенности по целому ряду направлений.

Безусловно, что в рамках одного доклада было невозможно охватить весь спектр потенциальных рисков, с которыми могут столкнуться евразийские страны.

Очередная редакция рейтинга ТОП 10 рисков для Евразии претендует только на то, чтобы отразить ключевые сюжетные линии, которые могут иметь определяющее значение для безопасности и развития крупнейшего материка мира в 2021 году.

Источник: Shutterstock
Автор: Bank Artis

РИСК 1

ПАНДЕМИЯ 2.0

Источник: Shutterstock
Автор: Lightspring

Одним из ключевых глобальных рисков 2021 года станет увеличение масштабов пандемии. В условиях неспособности национальных правительств остановить этот процесс и отсутствия эффективных международных механизмов совместной борьбы с распространением инфекции, пандемия примет затяжной характер, растянувшись на весь 2021 год, а возможно и далее.

Кроме того, необходимо учитывать риски серьезной мутации коронавируса, зафиксированных уже в нескольких странах, а также угрозу возникновения нового опасного вирусного штамма. Примеры подобного рода уже наблюдались в прошлом, и риски их повторения весьма высоки.

ИСТОРИЯ «БОЛЕЗНИ»

Пандемия коронавируса, которым на момент написания этой главы рейтинга заразились уже почти 90 млн человек и почти 2 млн из них стали его жертвами, вошла в десятку наиболее смертоносных эпидемий за историю человечества.

По масштабам COVID-19 уже сравнивают с бушевавшим в 1918-1920 гг. «испанским гриппом».

Первая локальная вспышка инфекции появилась в Китае в конце 2019 года и уже к марту 2020 года ВОЗ признала распространение болезни пандемией.

Для обуздания ситуации большинство государств ввели локдауны и карантинные меры различной степени жесткости. Все они привели к падению деловой активности, причем целый ряд развитых стран понесли серьезные потери.

В экономике США период с апреля по июнь 2020 года оказался самым тяжелым за всю историю после Великой депрессии: ВВП упал на 31,4%. В ЕС во II квартале 2020 года спад составил 11,8%. По оценкам МВФ (январь 2021 г.), мировая экономика по итогам 2020 года сократилась на 3,5%.

Кризис, вызванный пандемией, обострил многие социальные вызовы. В развитых странах особых потрясений удалось избежать благодаря массивной денежной помощи населению.

ПАНДЕМИЯ COVID-19 ВОШЛА В ТОП-10 ЭПИДЕМИЙ ПО КОЛИЧЕСТВУ СМЕРТЕЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Источник: данные открытых источников, ВОЗ

В то же время в отдельных регионах Евразии на фоне пандемии обострились застарелые военные конфликты (Карабахский конфликт), а в других разразились острые внутриполитические кризисы (Беларусь, Кыргызстан и т.д.).

Андрей Кортунув,
генеральный директор
Российского совета
по международным
делам (РСМД)

В случае масштабной «второй волны» мировая экономическая рецессия затянется, отдельные сектора мировой экономики (транспорт, туризм, розничная торговля) будут восстанавливаться гораздо медленнее, процессы деглобализации будут продолжаться с ускорением.

ФАКТОРЫ РИСКА

Принципиальным отличием пандемии COVID-19 является отсутствие устойчивого иммунитета к вирусу и его мутациям у переболевших. Осенью 2020 года в мире уже были зафиксированы случаи повторного инфицирования. Это ставит человечество в зависимость от вакцины.

По состоянию на январь 2021 года в мире разрабатывалось порядка 200 различных вакцин от коронавируса. При этом 5 вакцин уже активно закупаются и применяются в разных странах.

Первой официально одобренной ВОЗ вакциной стал препарат немецкой компании BioNTech и американского фармацевтического концерна Pfizer.

Затем на рынок стали активно выходить и другие западные вакцины, получившие одобрение на применение. Речь идёт о вакцинах от компании AstraZeneca и Moderna.

СТОИМОСТЬ* ОДНОЙ ДОЗЫ ВАКЦИНЫ ОТ COVID-19

mRNA-1273 (Moderna)		\$25-37
CoronaVac (Sinovac Biotech)		\$29,75
BNT162b2 (Pfizer & BioNTech))		\$19,5
Gam-COVID-Vac Sputnik V (GSRI))		\$10
ChAdOx1 nCoV-2019 (University of Oxford/ AstraZeneca)		\$4

Источник: Данные открытых источников

*по состоянию на 31 декабря 2020 года

Разработчики вакцины от AstraZeneca намерены в 2021 году изготовить около 3 млрд доз, а согласно планам Moderna, в текущем году планируется в общей сложности изготовить 1 млрд доз вакцины.

Одними из первых вакцину представили также Россия и Китай. Так, заявки на приобретение российской разработки «Спутник V» поступили от более чем 50 стран. Китайская вакцина CoronaVac от компании Sinovac Biotech также активно закупается по всему миру. К концу 2021 года планируется выпустить 1 млрд доз указанной вакцины.

Однако, очевидно, что даже с массовым производством и поступлением вакцин в оборот коронавирусная угроза никуда не исчезнет.

Во-первых, полная защита от заражения невозможна в принципе, и часть населения прививка защитит не сможет. К тому же, COVID-19, как и любой другой вирус, со временем будет мутировать.

Так, в конце декабря 2020 года в Великобритании сообщили о локализации нового штамма коронавируса (VUI-202012/01), в котором нашли 17 устойчивых изменений. В результате активного распространения нового штамма правительство Джонсона было вынуждено ввести третий по счету локдаун в стране в начале января 2021 года.

Новый штамм из Великобритании был также вскоре обнаружен в Дании, Нидерландах, Италии и Австралии. Кроме этого, новые мутации коронавируса были зафиксированы в ЮАР, Бразилии и Японии.

Во-вторых, несмотря на заявляемые разработчиками высокие показатели эффективности, реальная эффективность вакцин на деле может оказаться намного ниже.

Так, беспокойство вызвали недавние новости о китайской вакцине Sinovac. В частности, власти Бразилии и Индонезии сообщили о намного более скромном уровне эффективности вакцины Sinovac (50,4% и 65,3%, соответственно), в отличие от заявленных производителем показателей (78%).

В-третьих, сложности ожидают страны и на этапе активного вакцинирования населения – необходимо обеспечить достаточные объемы вакцины для огромного числа граждан и большой охват вакцинированием.

На глобальном уровне может сложиться ситуация, когда вакцинирование пройдет в развитых странах, тогда как развивающиеся экономики и страны с низким уровнем дохода будут испытывать на себе очередные волны пандемии коронавируса.

Кроме того, обеспечение приоритетного доступа к вакцине со стороны развитых стран не гарантирует оперативную вакцинацию населения.

В качестве примера можно взять Германию, чье правительство подверглось жесткой критике внутри страны за медленные темпы вакцинации населения при наличии необходимого запаса вакцин (первая партия составила около 1,3 млн доз).

По оценкам Goldman Sachs, к осени 2021 года вакцину от коронавируса получит более 70% населения развитых стран. Аналитики банка также полагают, что в Японии и Австралии власти смогут обеспечить вакцинами половину населения уже к маю 2021 года.

Однако эти сроки актуальны при позитивном сценарии с вакцинацией, так как в случае выявления низкой эффективности вакцин и падения спроса на них темпы вакцинации будут гораздо медленнее.

В свою очередь, нехватка финансирования и низкая адаптивность систем здравоохранения развивающихся стран к вызовам приведут к росту смертности от COVID-19. Уже сейчас в ходе второй волны в развитых странах смертность от коронавируса сокращается, хотя в развивающихся показателя остаются на высоком уровне.

Ламберто Дзанньер,
бывший верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств, генеральный секретарь ОБСЕ (2011-2017)

Подозрение, что вирус может мутировать делает явным риск того, что эта проблема не исчезнет в краткосрочной, а возможно, и в среднесрочной перспективе. В дальнейшем важно проанализировать эффекты, которые такое положение дел породит, в частности, на те виды деятельности, где непосредственное человеческое участие остается важным – на промышленность и сельское хозяйство. Методы противоэпидемической борьбы должны быть скорректированы так, чтобы они не разрушали экономику.

НЕ КОРОНАВИРУСОМ ЕДИНЫМ

Помимо коронавируса в 2021 году Евразия сохранит уязвимость перед новыми вспышками зоонозных инфекций. В июле 2020 года были зафиксированы вспышки бубонной чумы в Монголии и Китае. В сентябре-октябре 2020 года вспышка птичьего гриппа фиксировалась в сибирской части России.

Вместе с тем не исключено, что в 2021 году из мира животных придут новые возбудители болезней. У многих грызунов, хищников и птиц есть большое количество вирусов, которые могут «перепрыгнуть» на человека.

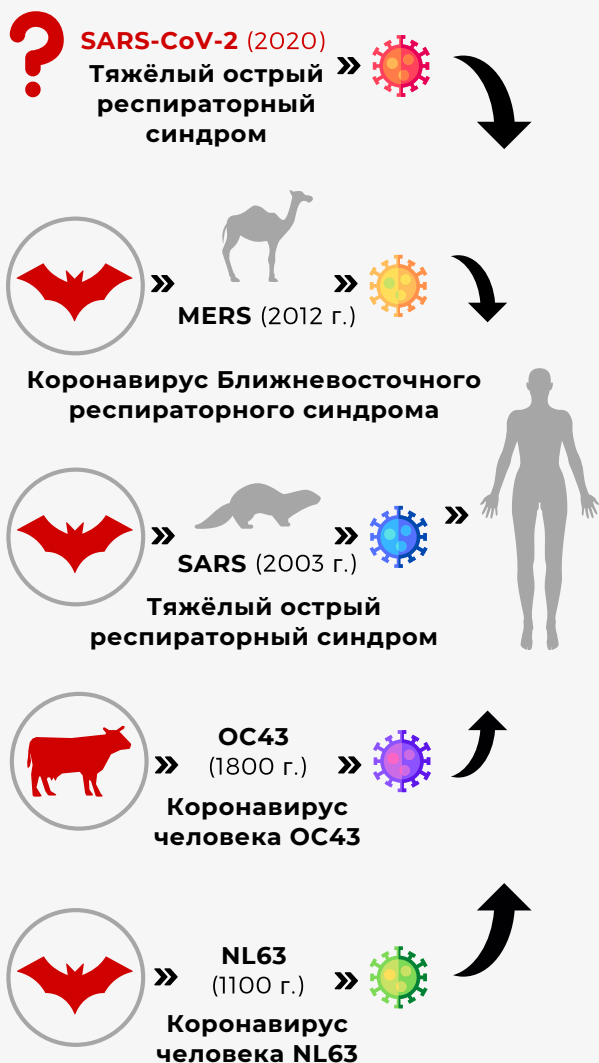
Речь идет не только о менее развитых частях мира. Так, в начале ноября 2020 года в Дании были зафиксированы случаи передачи мутировавшего коронавируса от норки к человеку.

Позже, по сообщению ВОЗ, подобные случаи выявлены еще в пяти странах: Нидерландах, Италии, Испании, Швеции и США. После этого власти Дании приняли решения уничтожить около 15 млн норок, содержащихся на фермах по всей стране.

В контексте нынешней вспышки коронавируса необходимо отметить, что ученые по сей день не пришли к однозначному выводу о том, какое именно животное стало источником возникновения опасной инфекции. Считается, что возможно между летучей мышью, которая изначально считалась переносчиком вируса, и человеком было еще одно звено – панголин.

Вместе с тем, ученым еще не удалось окончательно установить всю связку передачи вируса от животных к человеку.

ВСПЫШКИ ЗООНОЗНЫХ ВИРУСОВ

Источник: Timothy Sheahan, University of North Carolina

Особый риск представляет также промышленное животноводство. Огромные животноводческие комплексы давно превратились в своего рода лаборатории, где вирусы становятся всё более опасными и агрессивными.

На промышленных фермах животные содержатся в условиях высокой скученности, что позволяет инфекциям быстро размножаться, а также смешиваться друг с другом.

Как следствие, появляются всё новые опасные штаммы вируса, способные заражать людей.

Согласно научным оценкам, более 34% зоонозных инфекций происходят от домашних животных. По расчетам ОЭСР, к 2028 году глобальное потребление мясных продуктов вырастет до 40 млн тонн. Интенсификация производства мяса на фермах, будет способствовать росту угроз появления новых форм зоонозных инфекций.

В свою очередь, текущее состояние ветеринарной вирусологии и отсутствие эффективной координации усилий на глобальном уровне будут сильно ограничивать возможности государств по борьбе с новой пандемией.

Наконец, вспышки зоонозных инфекций могут оказать огромное негативное влияние на продовольственную безопасность целых стран.

К примеру, борьба с птичьим гриппом предусматривает уничтожение всего поголовья птицекомбинатов в зонах заражения.

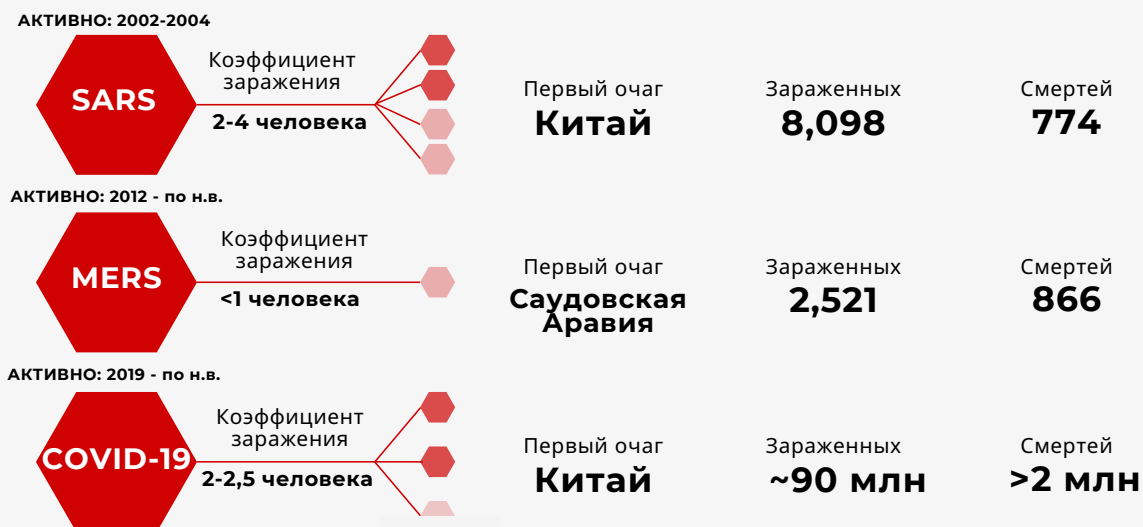
В условиях жёстких ограничений на перемещение грузов итогом вспышки зоонозной инфекции может быть исчезновение целых групп товаров на локальных рынках.

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще один риск от пандемии связан с тем, что жесткие локдауны фактически разрушают международные цепочки поставок, а также приводят к росту безработицы.

По данным Всемирного банка, в 2020 году впервые за последние 20 лет в мире будет зафиксирован рост

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВСПЫШКИ (Глобальные вспышки коронавирусов)

Источник: WHO | Johns Hopkins University

*по состоянию на 31 декабря 2020 года

бедности, в особенности крайней бедности: эту группу пополняют от 88 до 115 млн человек, а к 2021 году прирост составит 150 млн человек.

Похожие оценки приводят эксперты Brookings, которые ожидают в 2020 году увеличение бедных на 120 млн человек. Причем негативные последствия будут долгосрочными: даже к 2030 году численность бедных в мире будет находиться выше докризисного уровня.

Наиболее тяжелым будет удар по густонаселенным странам Африки и Южной Азии. Например, в Индии в категорию бедняков рискуют перейти около 400 млн человек, занятых вне сельского хозяйства.

Кроме того, на фоне локдаунов рискует усугубиться смертность от хронических заболеваний, так как неизбежно возникнут проблемы с диагностикой и обеспечением поддерживающего лечения.

Наконец, негативный психологический фон и растущие страхи людей в условиях локдаунов способствуют обострению ситуации с психическими расстройствами.

Георгий Квирикашвили,
премьер-министр
Грузии (2015-2018)

Последствия новой волны COVID-19 зависят от ее масштаба и решений правительства. Необходимо внимательно наблюдать за опытом разных стран – как за теми, кто ввел жесткие ограничения, так и за теми, кто использовал исключительно мягкий подход, например Швецией. Соответственно, правительствам следует принимать такие противоэпидемические меры, которые повредят экономике в меньшей степени.

Так, в Великобритании число нуждающихся в психиатрическом лечении выросло на 20% в год. В США в апреле 2020 года исследование выборки из 2000 человек показало признаки психического расстройства у 28%, тогда как двумя годами ранее они проявлялись лишь у 3%.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

▶ БАЗОВЫЙ

Во многом ситуация с пандемией в 2021 году будет зависеть от оперативности разработки и производства противовирусной вакцины и эффективности ее распространения.

Базовый сценарий предполагает запуск вакцинации с начала 2021 года. Затем в течение 6 месяцев вакцина будет распространена на значительную часть населения мира. Таким образом, по оценкам McKinsey, в США COVID-19 может быть побежден к III или IV кварталу 2021 года. С лагом в один квартал по этой траектории будут двигаться большинство стран мира.

Первыми завершат вакцинирование страны, наиболее близко подошедшие к разработке эффективных вакцин – США, Китай, Великобритания, Германия и Россия. После радикального снижения количества заболевших в этих странах будут поэтапно сниматься карантинные ограничения. Однако к полной ликвидации ограничений в 2021 году не придет ни одна страна.

В ожидании следующих волн эпидемии коронавируса и других инфекций правительства будут поддерживать высокий уровень инвестиций в систему здравоохранения, наращивая дополнительные мощности.

Пандемия COVID-19 приведет к бурному развитию фармацевтического рынка и рынка медицинских услуг. Развивающиеся страны столкнутся с оттоком медицинских кадров на фоне стремительной глобализации рынка труда.

⬇ НЕГАТИВНЫЙ

Пессимистический сценарий основывается на негативном прогнозе в отношении массового вакцинирования.

Вакцина может оказаться неэффективной, ее производство более длительным, а охват слишком ограниченным. В результате пандемия продлится, как минимум, до 2022 года, а ее последствия будут намного более разрушительными.

Ключевой риск, приводящий к реализации пессимистического сценария – нерешительность правительств и граждан стран в применении вакцины, недоверие тому, что она может быть безопасной. Данный фактор может замедлить процесс массовой вакцинации с последующим наступлением третьей и четвертой масштабных волн заражения.

Локдауны превратятся практически в стандартное положение для большинства стран. В развивающихся странах они будут сопровождаться взрывным ростом социальных протестов. Кроме того, в большинстве развивающихся стран Евразии произойдет волнообразный рост бедности.

РИСК 2

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОД УГРОЗОЙ

Источник: abc.net.au
Автор: iwishart

Пандемия коронавируса нанесла мировой экономике сильнейший урон. Спад глобального ВВП по итогам 2020 года, по данным ЮНКТАД, составил 4,3%, что является худшим показателем со времен II мировой войны.

По оценкам МВФ, из-за коронакризиса в ближайшие 5 лет глобальная экономика недосчитается \$28 трлн. Миллионы людей потеряли доход и лишились работы.

Тем временем многие уже ожидают начала процесса восстановления мировой экономики. С появлением целого ряда вакцин от вируса, правительства и инвесторы рассчитывают на скорую нормализацию ситуации.

Однако нарастание пандемии к началу 2021 года и новые волны распространения вируса ставят под угрозу все прежние сценарии восстановления. И без того вялое оживление мировой экономики может смениться новым спадом – в этом заключается один из ключевых рисков в 2021 году для Евразии.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВОКРУГ ВАКЦИНЫ

Очевидно, что восстановление мировой экономики главным образом будет зависеть от успешного и быстрого проведения вакцинации, которая должна помочь обуздать вирус. Однако сейчас темпы вакцинации остаются крайне низкими.

Мировым лидером по вакцинации в декабре 2020 года стали США: по состоянию на 28 декабря 2020 г. прививку получили свыше 2 млн

жителей страны. Однако, учитывая, что за декабрь планировалось привить не менее 20 млн человек, данные показатели свидетельствуют о медленном и сложном процессе внедрения вакцины даже в такой развитой стране.

На этом фоне трудно рассчитывать на быструю дистрибуцию вакцины в других развитых и тем более развивающихся странах, по крайней мере до середины 2021 года.

Получить вакцину всем желающим до этого времени вряд ли получится и в связи с тем, что развитые страны скупают огромные партии вакцин от Covid-19, в результате чего развивающимся странам их может просто не хватить.

Так, по данным компании Oxfam/Airfinity, развитые страны, где живет 13% населения планеты, по состоянию на ноябрь закупили 51% всех мировых запасов перспективных вакцин. Из-за этого 67 государств теперь рискуют столкнуться с острым дефицитом.

Особое беспокойство в вопросе восстановления вызывает нарастание пандемии. В середине января Китай, который успел объявить о своей победе над COVID-19, столкнулся со второй волной коронавируса с эпицентром в провинции Хэбэй.

Ужесточение карантинных мер наблюдается и в Европе. Ряд стран ЕС продлили локдауны до февраля, а некоторые – и до марта. Все это говорит о том, что процесс глобального экономического восстановления рискует быть существенно более растянутым по времени, чем прогнозировалось.

НЕРАВНЫЕ УСЛОВИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Вне зависимости от того, какими темпами пойдет восстановление глобального роста сейчас очевидно, что, оно, во-первых, не будет устойчивым, и во-вторых, будет далеко не однородным.

Как отмечают многие эксперты, мы пока не увидели всех последствий коронакризиса. С одной стороны, ясно, что такой беспрецедентно долгий период локдаунов и карантинных ограничений, резко обваливший деловую активность в мире, не может пройти без серьезных негативных эффектов как для экономик, так и для благосостояния людей.

С другой, многие прогнозы и оценки остаются на уровне предположений, так как необходимые статданные для анализа становятся доступными со значительным временным лагом, а те, что имеются в наличии не достаточны для исчерпывающих выводов.

К примеру, пока не до конца ясно, сколько технологических цепочек разрушила пандемия, какой ущерб был нанесен человеческому капиталу. Так или иначе долгосрочные последствия пандемии станут понятными только со временем.

Вместе с тем для стран и регионов, переживающих более сильные вспышки заболевания, возвращение к прежним условиям роста будет намного труднее. Особо следует отметить развивающиеся страны, которые наиболее подвержены рискам возникновения новых вспышек заболевания, а также испытывают сложности с получением и дальнейшим распространением вакцин.

Так, продолжая бороться с вирусом, развивающиеся экономики в 2021 году рискуют столкнуться с долговым кризисом. По оценкам Института международных финансов (IIF), в 2021 году им предстоит выплаты на сумму в \$7 трлн – это втрое больше, чем в 2020 году.

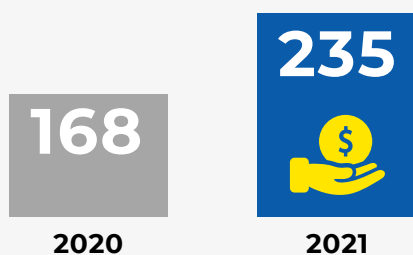

Не менее серьезной проблемой развивающихся экономик может стать обострение неравенства. По оценкам Всемирного банка, в результате пандемии к 2021 году почти 150 млн человек во всем мире окажутся в состоянии крайней нищеты.

Также ООН ожидает, что в 2021 году гуманитарная помощь может потребоваться 235 млн человек во всем мире – это почти на 40% больше, чем в 2020 году. В свою очередь, неравенство и бедность рискуют стать триггерами социально-политических протестов по всему Евразийскому континенту, что приведет к росту неопределенности и падению темпов экономического восстановления.

ПОТРЕБНОСТЬ В ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

(млн человек)

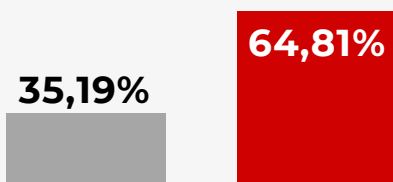
2020

2021

Источник: ООН

В целом, по мнению экспертов Астана клуба, именно развивающиеся экономики окажутся под наиболее сильным ударом в 2021 году.

Какие страны окажутся больше всего подвержены глобальному экономическому кризису в 2021 году?

35,19%

64,81%

- **Кризис** одинаково затронет как развитые, так и развивающиеся рынки
- **Больше всего пострадают** наименее развитые и развивающиеся страны, имеющие низкий уровень диверсификации экономики, технологического и медицинского развития

Источник: Опрос Astana Club

ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК ОСТАНУТСЯ РАЗРУШЕННЫМИ

В 2021 году мир также не увидит кардинального прогресса в восстановлении глобальных производственных цепочек. Большинство стран будут оставаться частично закрытыми, а это в свою очередь негативно повлияет на процессы в сфере логистики и торговые взаимоотношения.

В результате нарушения производственно-сбытовых цепочек все чаще стали звучать призывы к пересмотру существующих экономических моделей. Чрезмерная зависимость от зарубежной производственной базы вызвала серьезные дебаты на Западе о необходимости стратегической автономии от Китая.

США, Япония и ряд стран Европы рассматривают возможность переноса производства стратегических товаров из Китая на собственную территорию. Данный процесс еще больше подорвет сложившиеся глобальные цепочки поставок.

Однако добиться быстрого реформирования системы производственных поставок в условиях пандемии вряд ли удастся. Это в первую очередь связано с тем, что перенос производств – будь то на внутренние рынки или на рынки конкурентов Китая, процесс длительный и дорогостоящий.

Очевидно также, что в условиях кризиса повышение цен на поставки товаров может еще больше сократить объемы потребления. Таким образом, наиболее вероятно, что в 2021 году цепочки поставок будут диверсифицироваться весьма медленными темпами.

В результате мировая система поставок и глобальная торговля останутся такими же уязвимыми как в 2020 году.

НЕФТЬ НЕ БУДЕТ РАСТИ

Провал темпов роста из-за COVID-19 привёл к резкому падению спроса на энергоносители, что вызвало настоящий ценовой шторм на рынке нефти. С \$72 за баррель в начале января 2020 года цены упали до \$25 в марте и даже ниже.

Для адаптации к новой реальности ключевые игроки почти на треть сократили производство – на 19 млн барр. в сутки с расчетом на то, что они нарастят добычу после восстановления деловой активности в мире.

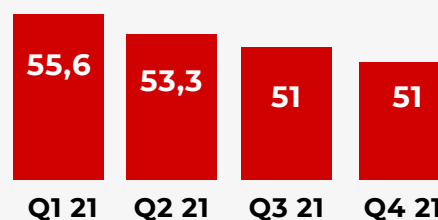
Однако застой на мировом рынке нефти рискует продолжиться и в 2021 году, так как вторая волна пандемии, начавшаяся в конце 2020 года, и далее будет сдерживать спрос на топливо. Использование авиационного и других видов транспорта в данных обстоятельствах также будет достаточно низким и неустойчивым.

Учитывая риски новых локдаунов и неясные перспективы налаживания повсеместной вакцинации, потребление нефти может стагнировать длительное время. И судя по всему, мировым нефтепроизводителям придется отложить планы по увеличению добычи.

Вместе с тем уже при текущих ценах (\$52-55 за барр.) следует ожидать возобновления сланцевых проектов. Согласно январскому отчету ОПЕК, уже во второй половине 2021 года рынок ощутит возвращение производителей сланцевой нефти.

Все эти факторы будут удерживать цены на черное золото в низком коридоре. По прогнозам Всемирного Банка, в 2021 году цены на нефть зафиксируются на средней отметке в \$44 за баррель. В то же время высказываются и более оптимистичные прогнозы, согласно которым средняя цена на нефть в 2021 году составит \$52 за баррель.

Прогноз стоимости Brent (\$)

Источник: U.S. EIA

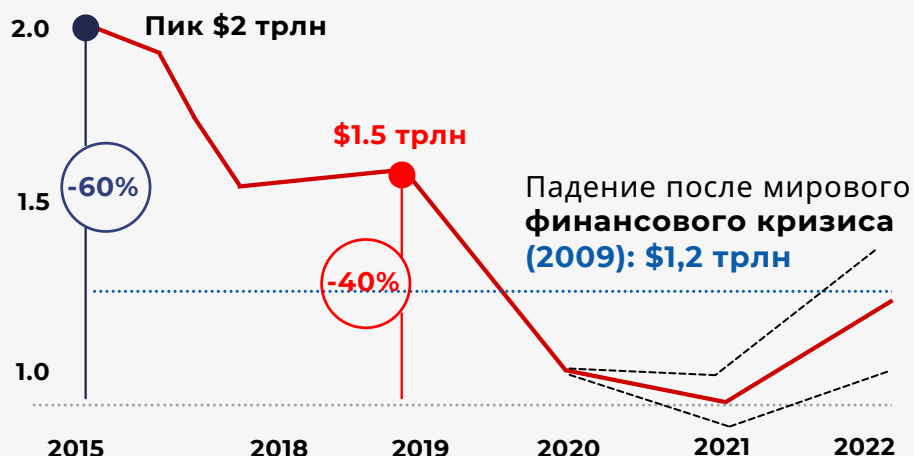
ЗАМОРОЗКА ИНВЕСТИЦИЙ

Восстановление мировой экономической активности в 2021 году может также подорвать снижение инвестиционной уверенности. По прогнозам ЮНКТАД, объем глобальных ПИИ в 2021 году упадет на 40%, или с \$1,5 трлн до \$1 трлн.

Глобальные ПИИ (2015-2019 гг. и прогноз на 2020-2022 гг.)

Снижение уровня ПИИ в 2020 году:

- **-40%** по сравнению с 2019 г.,
- **-60%** по сравнению с 2015 г.

Источник: UNCTAD

Понижательный тренд в инвестициях усугубит растущая геополитическая и экономическая конфронтация между США и КНР, последствия которой будут ощутимы для всей Евразии.

Администрация президента Байдена планирует активизировать сотрудничество США со странами АТР и тем самым восстановить свое лидерство в регионе. Одним из шагов в данном направлении может стать возвращение Вашингтона к переговорам по Транстихоокеанскому партнерству (TPP).

Попытки Вашингтона перехватить инициативу в региональной торговой интеграции наверняка спровоцируют ответные действия Китая. В этой связи мы увидим продолжение торговых баталий между супердержавами. По некоторым оценкам, потери от роста протекционизма и торговых противостояний могут обойтись мировому ВВП в \$10 трлн.

При этом тренд на дальнейшее укрепление Азии в качестве нового центра глобальной экономической гравитации сохранится и упрочится, несмотря на торговые войны и попытки сдерживания.

Сергей Глазьев,
член Коллегии
(министр) по
интеграции и
макроэкономике
Евразийской
экономической
комиссии

Процесс перемещения центра мировой экономики из Северной Америки и Европы в Юго-Восточную Азию ускорится. КНР, Индия, страны Индокитая выйдут из этого кризиса с еще более конкурентоспособной экономикой.

МИРОВОЙ ТУРИЗМ ОСТАНЕТСЯ В УПАДКЕ

В 2021 году реанимировать сектор мирового туризма также не удастся. Глобальная изоляция нанесла туристической отрасли урон, который оценивается по меньшей мере в \$1,2 трлн. Ожидается, что более 174 млн человек занятых в данном секторе потеряют работу.

Среди основных барьеров для возрождения туристического сектора в 2021 году можно выделить ограничения на поездки, отсутствие скоординированных мер по сдерживанию коронакризиса и недоверие потребителей.

Даже при самом оптимистичном сценарии поставщики туристических услуг не смогут вселить потребителям абсолютную уверенность в безопасности путешествий.

Таким образом, прогнозы Всемирной туристской организации о том, что докризисные уровни развития туризма будут достигнуты лишь к 2024 году вполне оправданы.

Йоханнес Линн,
главный научный
сотрудник по
глобальной экономике
и развитию
Брукингского института,
экс-Вице-президент
Всемирного банка

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на экономику всех стран мира. Она превратила устойчивый рост 2010-х годов в устойчивый спад 2020-го. Для стран бывшего Советского Союза события схожи с опытом 1990-1996 годов, когда их экономики сократилась на 40-60 процентов.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

➔ БАЗОВЫЙ

Масштабное распространение вируса COVID-19 не закончится как минимум до середины 2021 года. Это будет нестабильный процесс, прерываемый новыми волнами обострения, что означает столь же нестабильное и неуверенное восстановление темпов роста глобальной экономики до докризисного уровня.

При этом нельзя исключать фактора «черных лебедей», когда в течение 2021 года мировая экономика может столкнуться с очередными непредвиденными обстоятельствами в виде появления новых опасных мутаций вируса, которые снизят эффективность карантинных мер и резко затруднят процесс вакцинации.

В категорию «чёрного лебедя» следует включить и неожиданное обострение геополитической борьбы между державами, а также риски возникновения масштабных военных конфликтов на Ближнем Востоке, в Южной Азии и в районе Южно-Китайского моря.

Даже в случае восстановления показателей глобального ВВП, безработица в мире останется на высоком уровне. В целом вопросы безработицы и бедности останутся долгосрочной «головной болью» для всех стран без исключения.

В глобальном масштабе экономическая картина останется разнородной: страны с высоким уровнем доходов будут иметь ранний доступ к вакцине, что обусловит их более быстрые темпы восстановления по сравнению с развивающимися экономиками.

Алексей Кудрин,
Председатель
Счетной палаты РФ;
Министр финансов
России (2000-2011)

В 2021 году с началом широкой вакцинации населения и завершением периода ограничений рост мировой экономики ускорится, с учетом низкой базы 2020 года. В 2022–2023 годах темп роста мировой экономики вернется к средним значениям 2010–2019 годов, около 3,5% в год.

↑ ПОЗИТИВНЫЙ

По мере того, как у большей части населения будет формироваться иммунитет и правительствам удастся ускорить процесс вакцинации, темпы глобального экономического роста могут достичь 5 процентов.

Значительную роль в указанном процессе сыграют укрепляющиеся рынки труда и рост, обеспечиваемый больше за счет частного сектора чем государственных стимулов.

При успешном сдерживании роста заражений на глобальном уровне в первой половине 2021 года, возможно, что экономики стран Евразийского региона испытают V-образное восстановление.

Основными условиями для такого сценария станут ранняя и повсеместная доступность эффективной вакцины, относительно слабые последствия экономической рецессии, стимулирование программ по компенсации

воздействия шоков спроса и предложения, и отсутствие торговых войн между крупными державами.

Необходимые условия для оптимистичного сценария включают в себя также открытость границ для торговли, инвестиций, туризма, потоков рабочей силы и скоординированные действия глобальных финансовых институтов по предотвращению долгового кризиса.

↓ НЕГАТИВНЫЙ

Данный сценарий предполагает продолжение роста заболеваемости и задержки с внедрением вакцины, в связи с чем рост мировой экономики в 2021 году будет сильно ограничен – в районе 1,6% (Всемирный банк).

Многие страны будут вынуждены повторно ввести меры тотальной изоляции, которые ещё более подорвут хрупкие процессы экономического восстановления и возобновления производственных цепочек и пассажиропотоков.

В результате, мировая экономика продолжит оставаться в состоянии глубокого кризиса в течение всего 2021 года.

Агата Демарис,
директор по
глобальному
прогнозированию в
The Economist
Intelligence Unit (EIU)

В целом глобальное производство достигнет довирусного уровня только к концу 2021 года. Для развивающихся стран восстановление займет еще больше времени. Большинство стран БРИКС смогут вернуться к прежним показателям только в 2024-2025 годах, что приведет к росту бедности и усилит социальную напряженность во всем мире.

РИСК **3**

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА США И КИТАЯ

Обострение геополитического противостояния США и КНР является одним из ключевых рисков 2021 года.

Смена президентской администрации в США могла бы стать прологом возможных изменений в американских подходах к КНР в сторону смягчения. Однако, учитывая глубину и масштабы накопленных стратегических противоречий, перспективы разрядки выглядят весьма туманно.

В конечном итоге все сводится к вопросу о том, какая из двух супердержав будет глобальным лидером в 21 веке. Очевидно, что ни США, ни Китай не согласны играть роль второго номера в будущей мировой иерархии.

Таким образом, в 2021 году Евразию и мир ожидает очередной этап обострения противостояния США и Китая.

ПАНДЕМИЯ КАК ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

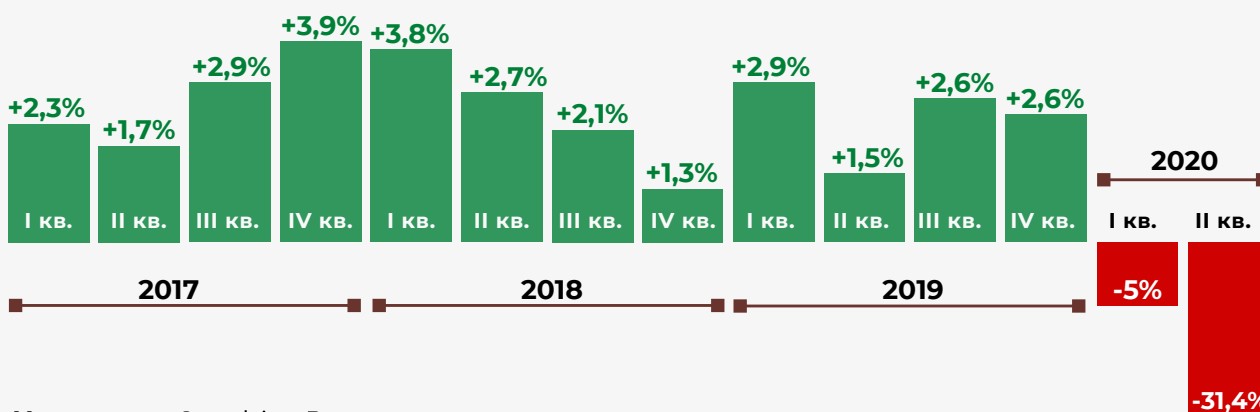
Начало 2020 года сулило позитивные перспективы для двусторонних отношений. 15 января Вашингтон и Пекин подписали первую фазу торговой сделки, которая дала надежду на определённую нормализацию отношений между сторонами.

Однако кризис, вызванный пандемией коронавируса, не только сорвал выполнение сделки, но и практически обрушил все прежние экономические успехи администрации Трампа.

В условиях надвигающихся президентских выборов у команды Трампа не осталось выбора, кроме как вновь поднять ставки, обвинив Китай в последствиях кризиса.

Новая эскалация конфликта быстро охватила практически все сферы сотрудничества: от декаплинга в экономике до ограничения притока китайских студентов.

КВАРТАЛЬНЫЙ РОСТ ВВП США С МОМЕНТА ПРИХОДА ТРАМПА

Начиная с мая 2020 года администрация Трампа опубликовала сразу несколько политических документов в отношении КНР, общий смысл которых сводился к тезису о том, что Вашингтон отходит от стратегии «взаимодействия» с КНР в сторону его жесткого «сдерживания».

Однако Дональд Трамп проиграл выборы в ноябре 2020 года, и теперь отношения с Китаем будет выстраивать новая администрация во главе с Джо Байденом.

В рамках своей предвыборной платформы Байден избегал излишне агрессивной риторики в отношении Пекина.

«Законодательное резюме» Байдена также показывает, что он был сторонником гибкого подхода в отношениях с КНР. Кроме того, на протяжении своей политической карьеры Байден принимал самое активное участие практически во всех судьбоносных решениях Вашингтона по Китаю: от возобновления дипломатических связей в 1979 году до принятия КНР в ВТО в 2001 году.

В то же время приход Байдена вряд ли приведет к кардинальной перезагрузке американо-китайских отношений. Президент США серьезно ограничен системой сдержек и противовесов и будет вынужден учитывать позицию других ветвей власти, а также военных и спецслужб.

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

В целом, действия новой администрации Байдена в отношении Китая будут диктоваться целым рядом фундаментальных факторов, которые и привели к нынешнему конфликту.

Мэтью Рожански,
директор института
Кеннана в
Международном
научном центре
имени Вудро
Вильсона

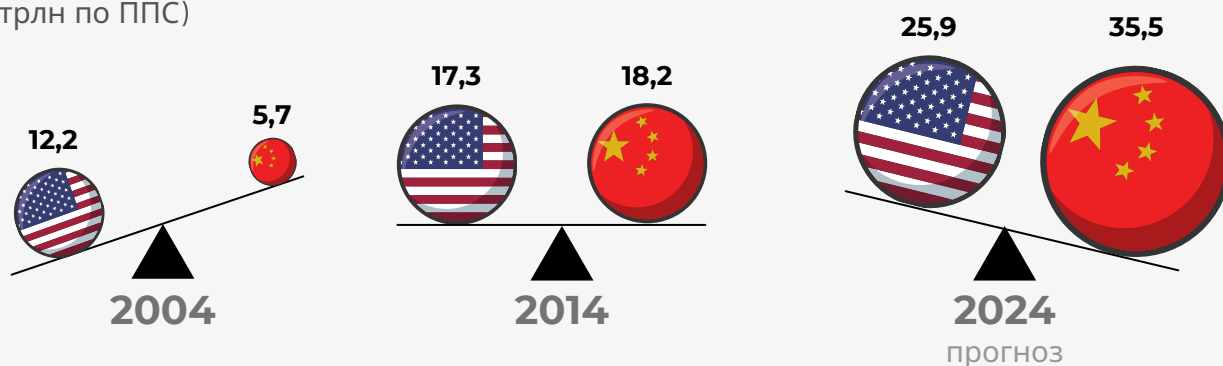
Конкуренция между Вашингтоном и Пекином в XXI веке постепенно смещается из сугубо экономической и технологической областей в сторону углубляющегося военно-политического противостояния. В значительной степени это стало результатом того, что официальный Вашингтон отказался от лелеемой прежде надежды вовлечь Китай в «основанный на правилах международный порядок», который был сформирован до произошедшего возвышения Китая.

На системном уровне за последние годы наблюдалось стремительное сокращение в разнице совокупной экономической мощи между США и КНР. Процессы достигли критической точки к 2017 году, когда по паритету покупательной способности ВВП КНР обошел США.

При этом особое беспокойство Вашингтона вызывает то, что восстановление экономик США и Китая идет неравномерно. Из-за последствий коронакризиса американская экономика сможет полностью восстановиться лишь к 2022 году, тогда как китайская экономика сохранила позитивную динамику роста даже по итогам кризисного 2020 года.

Так, согласно оценкам МВФ, экономика КНР должна вырасти на 1,9% по итогам 2020 года и сразу на 8,2% в 2021 году. Напротив, ВВП США сократится на 4,3% в 2020 году, а в 2021 году ожидается умеренный восстановительный рост в 3,1%.

КАК МЕНЯЛОСЬ СООТНОШЕНИЕ ВВП КНР И США (\$ трлн по ППС)

Источник: МВФ

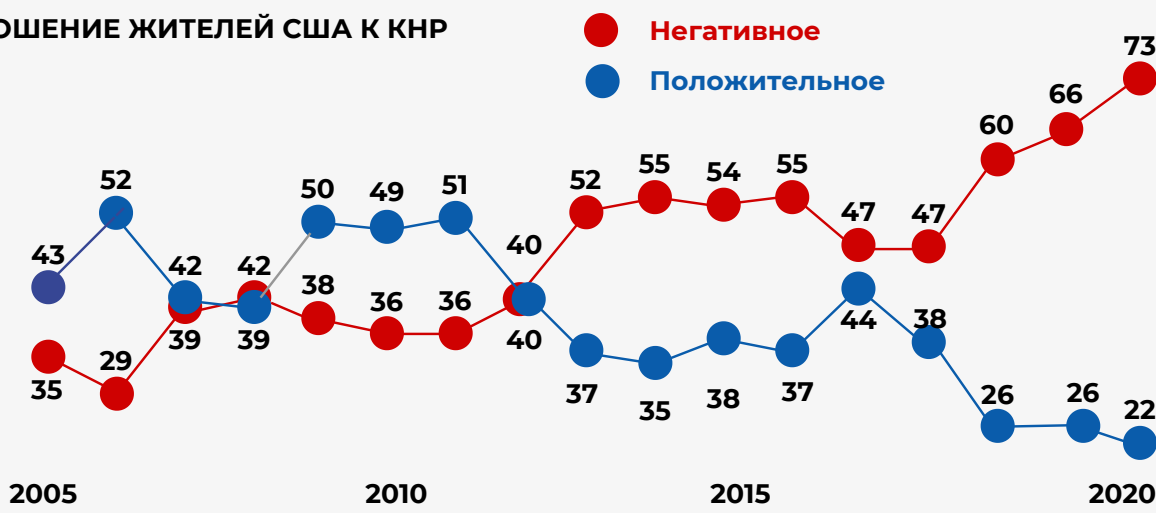
На структурном уровне также обозначился ряд принципиальных изменений, связанных с желанием Пекина усилить позиции Китая в глобальных технологических процессах и стать главным бенефициаром нового этапа развития мировой экономики. Это привело к тому, что экономические отношения сторон трансформировались из «комплементарных» (США – разработка, КНР – сборка) в «конкурентные».

Наконец, нельзя забывать и об изменениях на уровне массовых общественных настроений.

Сегодня вопрос отношения к Китаю остается одной из немногих тем, по которой в американском обществе складывается относительный консенсус. Так, по данным Pew Research, в 2020 году негативное восприятие Китая в США достигло рекордных 73%.

Такое изменение в общественных настроениях укрепляет позиции внешнеполитических «ястребов» в Вашингтоне, которые на протяжении многих лет выступали за более жесткий курс в отношении Пекина.

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ США К КНР

Источник: PEW Research Center

КЛЮЧЕВЫЕ ЗОНЫ КОНФРОНТАЦИИ

В 2021 году американо-китайское противостояние будет сфокусировано на следующих направлениях.

Технологии. На фоне успехов КНР в таких сферах, как сети 5G, искусственный интеллект и большие данные, в 2021 году США продолжают прикладывать усилия по наращиванию конкурентоспособности американского технологического сектора.

Об этом, в частности, свидетельствует инициатива Джо Байдена «Made in all of America», занимавшая одно из центральных мест в его предвыборной платформе. Инициатива направлена на инвестирование \$400 млрд в развитие стратегических технологий в целях снижения зависимости от Китая.

В этой связи можно ожидать введение новых ограничений на доступ Китая к американскому рынку и технологиям, в особенности в сфере производства полупроводников. Кроме того, США продолжают попытки ограничить доступ КНР к технологиям и рынкам своих союзников по всему миру.

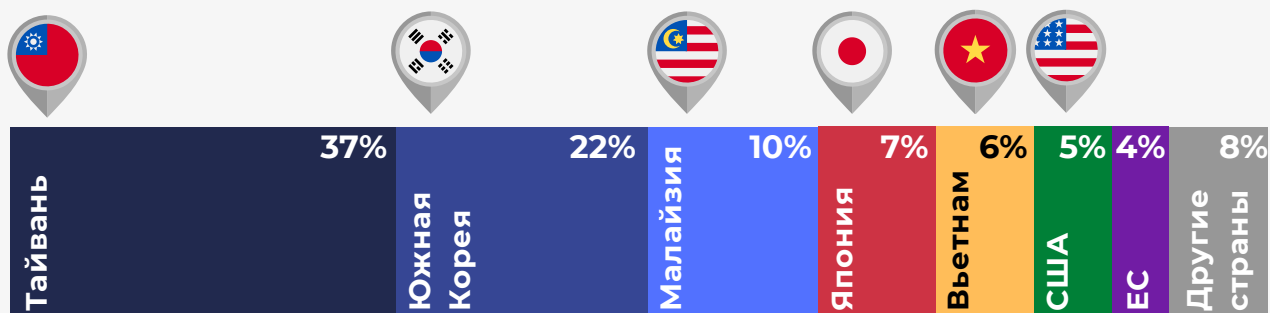

Билахари Каусикан,
председатель
Института по изучению
Ближнего Востока при
Национальном
Университете
Сингапура, бывший
постоянный
представитель
Сингапура в ООН

Взаимозависимость порождает стратегическое недоверие, так как оно выявляет уязвимости. Производственные цепочки, которые пронизывают национальные границы, постепенно фрагментируются и переориентируются на фоне попыток США использовать свои преимущества и ответных попыток Китая избежать или снизить свои уязвимости. Все это создает глобальные системные риски.

Военно-стратегическое противостояние. Доверие между США и Китаем в военно-стратегической сфере, в особенности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, находится на критически низком уровне.

Тайвань и Южная Корея - крупнейшие зарубежные поставщики полупроводников в Китай.

Импорт полупроводников из зарубежных источников в КНР в 2020 г.

Источник: Peterson Institute for International Economics

Территориальные споры в Южно-китайском море, проблема Тайваня будут подталкивать стороны к демонстрации силы, а также наращиванию военного присутствия в регионе.

В июне 2020 года в своей статье в «Foreign Affairs» Мишель Флурной, одна из главных советников Байдена, предложила, что в целях сдерживания Китая от агрессивных действий США должны обладать возможностями «потопить все китайские военные корабли, подводные лодки и торговые суда в Южно-Китайском море в течение 72 часов».

Торговля и интеграция. На фоне ухудшения экономической ситуации в мире торговые переговоры между сторонами обретут более жесткий и бескомпромиссный характер.

Китай, рынок которого выходит из пандемии с наименьшими потерями, очевидно, постарается активно использовать своё конкурентное преимущество, ведя переговоры с позиции силы.

Дополнительным аргументом в пользу Пекина стало подписание 15 ноября 2020 года соглашения о создании Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – крупнейшего торгового блока в мире, на который уже приходится 30% глобального ВВП.

В ответ администрация Байдена наверняка активизирует переговоры по созданию конкурирующего формата зоны свободной торговли.

Отказ Индии от подписания ВРЭП – явный сигнал в пользу того, что многие крупные экономики Индо-Тихоокеанского региона будут готовы рассматривать альтернативные предложения США.

Кроме того, в Вашингтоне вряд ли откажутся и от идеи экономического декаплинга с КНР, в которую уже было инвестировано много политических и экономических ресурсов.

Права человека и демократия. Вопросы нарушения прав мусульман и этнических меньшинств в Синьцзяне, ситуация в Тибете и вокруг Гонконга в любой момент могут стать триггерами дальнейшей эскалации, учитывая состав новой администрации Байдена.

Так, вице-президент Камала Харрис является сторонником жесткого курса по вопросам защиты прав человека в КНР. Она выступила соавтором законопроектов, предусматривающих санкции в отношении китайских политиков, замешанных в притеснениях мусульман в Синьцзяне.

Кроме того, нельзя забывать о том, что 2021 год будет иметь важное символическое значение для Китая, учитывая 100-летний юбилей Коммунистической партии КНР. Также этот год станет последним в преддверии 20-го съезда КПК в 2022 году, на котором будет обновлен руководящий состав партии. В этих условиях вся партийная вертикаль Китая будет находиться в состоянии повышенной мобилизации, демонстрируя китайскому обществу принципиальность и готовность к жестким ответным шагам.

Таким образом, заглядывая в 2021 год, можно предположить, что тренд в сторону дальнейшего усиления противостояния между США и КНР имеет все необходимые предпосылки.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

➔ КУРС НА СТАБИЛИЗАЦИЮ

Байден не сможет изменить сложившийся антикитайский консенсус в Вашингтоне, но, скорее всего, будет пытаться предложить более гибкую стратегию сдерживания.

В частности, речь идет о возрождении партнерских отношений в рамках Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП) и более активную координацию усилий американских союзников в отношении КНР.

О возможных изменениях в стратегии США свидетельствует доклад "Meeting the China Challenge: A New American Strategy for Technology Competition", опубликованный группой экспертов, в которую вошли бывшие чиновники, близкие к лагерю Байдена. Доклад призывает увеличить инвестирование США в НИОКР, а также создавать «технологические альянсы» с союзными странами.

С другой стороны, Байден будет заинтересован возобновить диалог с Пекином для решения многих глобальных проблем, таких как изменение климата, борьба с последствиями пандемии, ядерная проблема КНДР и Ирана и т.д.

Все эти факторы могут создать условия если не для полноценной перезагрузки отношений, то хотя бы для их частичной рекалибровки.

Эндрю Шенг,
бывший председатель
Гонконгской комиссии
по ценным бумагам и
фьючерсам

Администрация Байдена будет больше полагаться на дипломатию и союзников, пытаясь сдерживать Китай на многостороннем уровне. В среднесрочной перспективе 1-2 года более вероятно возможность перемирия и создания условий для передышки, которые необходимы для восстановления экономики, а также перегруппировки ресурсов и конкурентных преимуществ сторон.

⬇️ СПИРАЛЬ КОНФРОНТАЦИИ

В текущих условиях Байдену будет крайне сложно смягчить текущий курс в отношении Китая – то, чего от новой администрации ждут в Пекине.

Энтузиазм членов команды Байдена по таким проблемам, как защита прав человека в Китае, может разжечь конфликт между двумя странами.

Также нельзя исключать рисков, исходящих от растущей уверенности Китая на международной арене. Существуют оценки, что в Пекине сложился консенсус о том, что отношения двух стран уже прошли «точку невозврата», и Китаю ни в коем случае нельзя показывать слабость.

В результате Пекин продолжит активные меры давления в отношении США и их союзников в регионе.

Таким образом, в 2021 году спираль противостояния США и Китая в экономической, технологической, а также военной сфере будет развиваться по нарастающей, что не оставит шансов для нормализации и перезагрузки отношений, сделав перспективу новой холодной войны неизбежной.

РИСК

4

КРИЗИС ВОКРУГ ИРАНА

КРИЗИС ВОКРУГ ИРАНА

4
РИСК

Среди ключевых рисков зон, которые будут иметь критическое значение для безопасности Евразии в 2021 году – ситуация вокруг Ирана.

52% респондентов ежегодного опроса Астана клуба прогнозируют обострение противостояния Ирана с США и их союзниками в 2021 году.

С одной стороны, приход новой президентской администрации в Вашингтоне вселяет определенные позитивные надежды.

С другой, обострение противоречий может произойти по любой линии разлома – от ядерной программы ИРИ до блокировки движения нефтяных танкеров в Ормузском проливе.

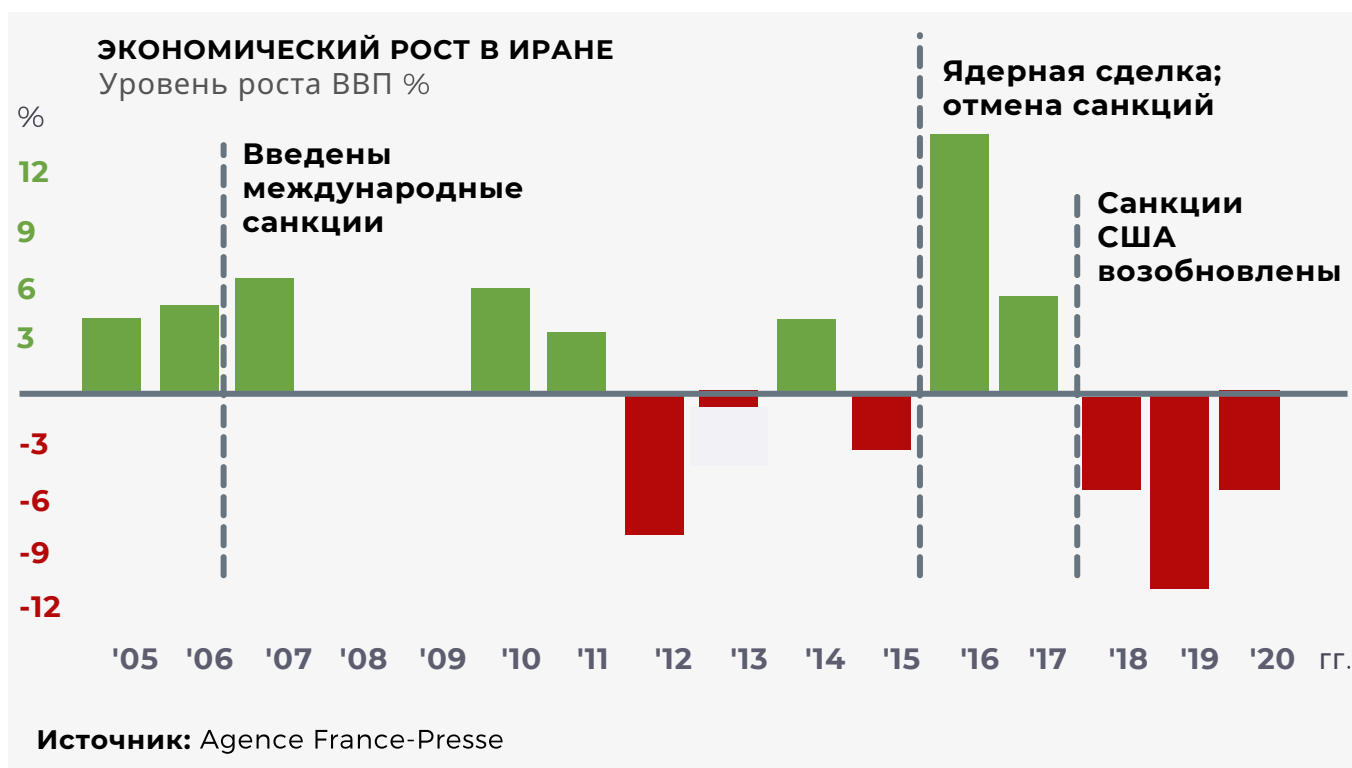
Очевидно, что потенциальный очаг напряженности вокруг Ирана в 2021 году способен дестабилизировать не только Ближний Восток, но и всё евразийское пространство.

СМЕНА «РУЛЕВЫХ»

Динамика отношений между Тегераном и Вашингтоном будет во многом определяться изменениями во внутренней политике обеих стран.

Победа Джо Байдена на президентских выборах в ноябре 2020 года создала определенное окно возможностей для нормализации двусторонних отношений.

Однако новый глава США уже заявил, что работа его администрации не будет «третьим сроком Барака Обамы».

В этой связи вряд ли стоит ожидать скорого возвращения США в Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) и ощутимого смягчения нынешней политики санкций против Ирана. Такой разворот не отвечал бы и сложившемуся антииранскому консенсусу в Конгрессе США.

В июне 2021 года смена руководства ожидается и в самом Иране. Традиционно иранская общественность голосует за кандидата в президенты, который олицетворяет запрос на политические изменения и экономические реформы.

Выход США из СВПД в 2018 г. обрушил экономику Ирана, а обвал цен на нефть в марте 2020 г. и массовое распространение COVID-2019 только ускорило ее кризис.

По оценкам властей ИРИ, ущерб иранской экономике от санкций США в период с 2018 года по 2020 год составил порядка \$150 млрд.

По итогам 2020 года уровень инфляции в Иране составил 30,5%, что значительно превысило прогнозы Центрального банка ИРИ на текущий финансовый год (завершается 20 марта 2021 года). Уровень безработицы в стране увеличился почти до 10%.

У действующего президента Ирана Хасана Роухани в запасе критически мало времени для того, чтобы разработать план выхода страны из экономической рецессии и начать его реализацию до выборов в июне 2021 года.

В подобных обстоятельствах у Тегерана остаётся весьма ограниченный набор опций. И практически каждая из них несет в себе риски серьезного обострения ситуации на Ближнем Востоке.

ЦЕНОВОЕ ПИКЕ

По заявлениям иранских властей, из-за нефтяного эмбарго в 2020 году ИРИ удавалось экспортировать в среднем от 600 до 700 тыс. баррелей нефти в сутки.

Для того, чтобы устранить перманентный дефицит бюджета в 2021-2022 финансовом году иранское руководство запланировало резко увеличить доходы от продажи углеводородов и опрарвлять на экспорт от 1,5 млн до 2,3 млн баррелей нефти в сутки.

Фактически, по проекту бюджета на 2021-2022 год более 40% расходов правительства Ирана будут находиться в зависимости от предполагаемого скачка экспорта нефти. Подобный маневр свидетельствует о готовности руководства ИРИ идти на риски, которые, однако, могут себя не оправдать.

Хотя Иран и освобожден от обязательств в рамках сделки ОПЕК+, двухкратное увеличение добычи нефти иранцами может спровоцировать серьезные противоречия в рамках блока ОПЕК.

Очевидно также, что резкое увеличение экспорта нефти Ираном неминуемо вызовет недовольство Вашингтона. США возобновят тактику давления на своих торговых партнеров, призывая к отказу от покупки иранского энергосырья.

Учитывая чувствительность мирового рынка нефти к политическим факторам, стоимость нефтяных фьючерсов может вновь войти в ценовое пике. В результате, очередное падение стоимости нефти марки Brent до \$40 за баррель и ниже поставит под удар все прошлогодние достижения в рамках ОПЕК+.

При этом, важно учитывать, что несмотря на тяжелую экономическую ситуацию военные возможности Ирана блокировать проход нефтяных танкеров через Ормузский пролив ничуть не ослабли. Поэтому попытки помешать отправлению иранской нефти могут быть встречены симметричным ответом Тегерана. Тем более, что опыт перехвата иностранных танкеров у ВМС ИРИ уже имеется.

Шломо Бен-Ами,
бывший министр
иностраннных дел
Израиля, вице-
президент
Международного
Центра Толедо за мир

Мы больше не живем в эпоху, когда войны объявляются официально. Удар американского беспилотника, в результате которого погиб Кассем Сулеймани, командующий иранскими силами Кудс, является лишь одним из знаковых событий в многолетней войне между США и их союзниками и Ираном с его многочисленными сателлитами в регионе. Стороны используют различные тактики от целенаправленных убийств и кибератак до экономических санкций.

Ключевые производители ОПЕК, зависмые от Ормузского пролива в 2020 г. (перевозки в млн бар. в сутки)

Источник: Bloomberg

ОПАСНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Масла в огонь потенциального кризиса в Персидском заливе будут подливать и конкуренты Ирана в лице Саудовской Аравии и Израиля, которые рассматривают любое усиление Тегерана в качестве вызова и угрозы.

В этой связи региональные соперники Ирана в 2021 году усилят курс на жесткое сдерживание ИРИ.

Продолжающиеся диверсионные спецоперации по устранению иранских ученых и военных руководителей наглядно свидетельствуют о сохранении прежней тактики гибридной войны.

Вместе с тем, как показывает практика, любую диверсию, направленную против себя, Иран не оставит без ответа и вполне может сыграть на повышение ставок.

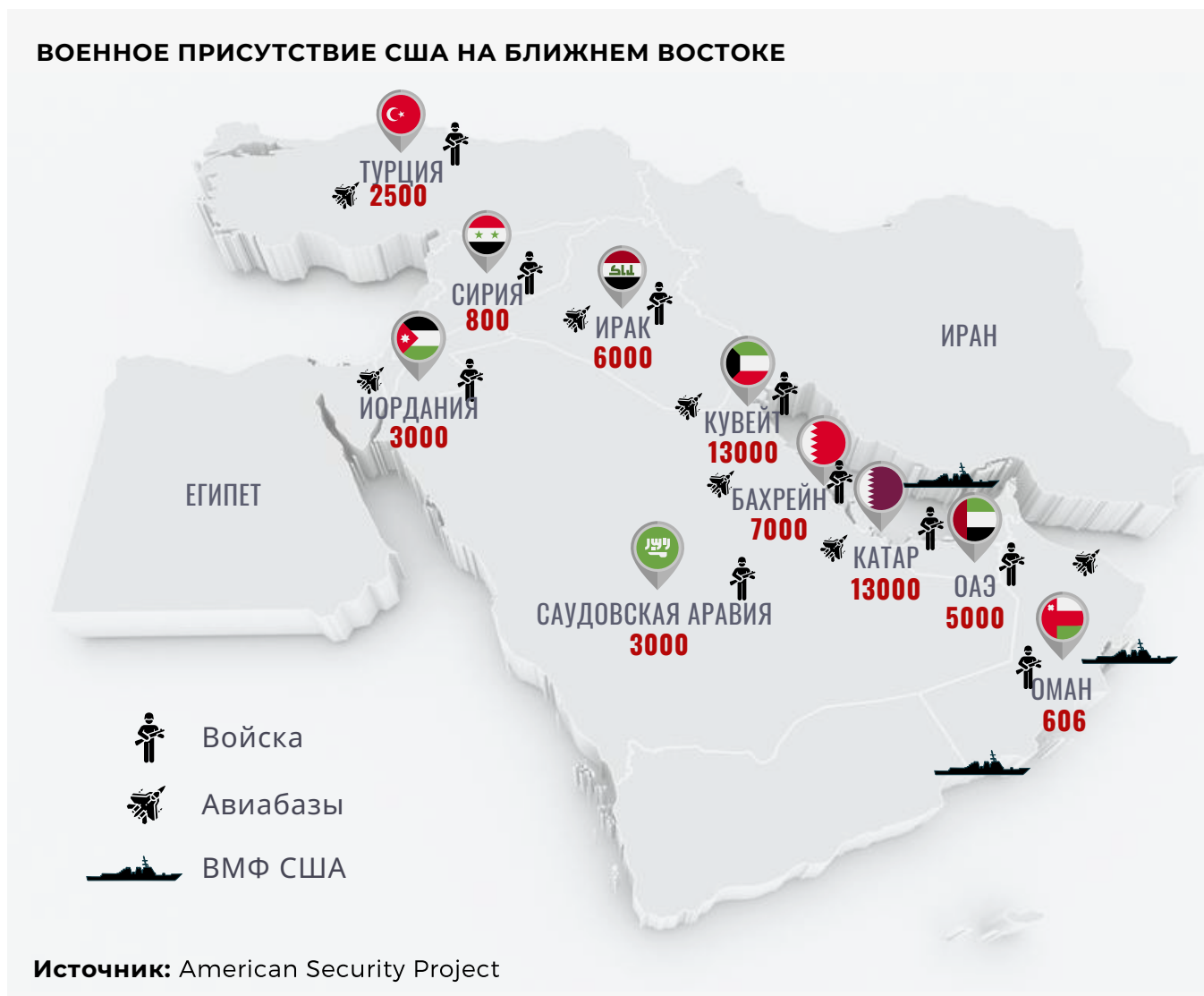
Главная опасность заключается в том, что взаимный обмен гибридными ударами может привести к неконтролируемой эскалации спирали противостояния.

Данный риск будет усугубляться еще и тем, что противники Тегерана попытаются спровоцировать его на масштабное применение своих вооруженных сил, что может вызвать прямой силовой ответ со стороны США.

Учитывая высокую концентрацию американских военных объектов на Ближнем Востоке, триггером полномасштабного столкновения может стать любой из текущих локальных конфликтов в таких горячих точках, как Сирия, Ирак, Йемен и т.д.

«ЯДЕРНЫЙ ТОРГ»

Начало 2021 года ознаменовалось заявлением Ирана о том, что страна завершила процесс поэтапной приостановки выполнения своих обязательств в рамках СВПД.

Было увеличено допустимое количество хранимого обогащенного урана и тяжелой воды, введены в стадию испытания и задействованы в производстве новейшие и более эффективные центрифуги.

Заявленное возобновление обогащения урана до уровня 20% на ядерной площадке в Фордо стало очередным отходом от выполнения ядерной сделки.

Объявив о подобном решении накануне прихода новой американской администрации Джо Байдена, Тегеран начал планомерно поднимать ставки в переговорах вокруг своей ядерной программы.

Через ультиматумов, последним из которых стала угроза закрыть ядерные объекты для международных инспекций, имеет вполне понятную цель – добиться снятия санкций и восстановления возможности беспрепятственно торговать своей нефтью.

Переход к открытому давлению, по сути, является крайней мерой воздействия на страны Запада. Действуя в подобном ключе, Тегеран рассчитывает заставить оппонентов вернуться за стол переговоров без новых предварительных условий с их стороны.

Однако вопрос о том, являются ли подобные меры эффективными остается открытым.

ЯДЕРНЫЙ ИРАН

Главные объекты (приблизительное местоположение)

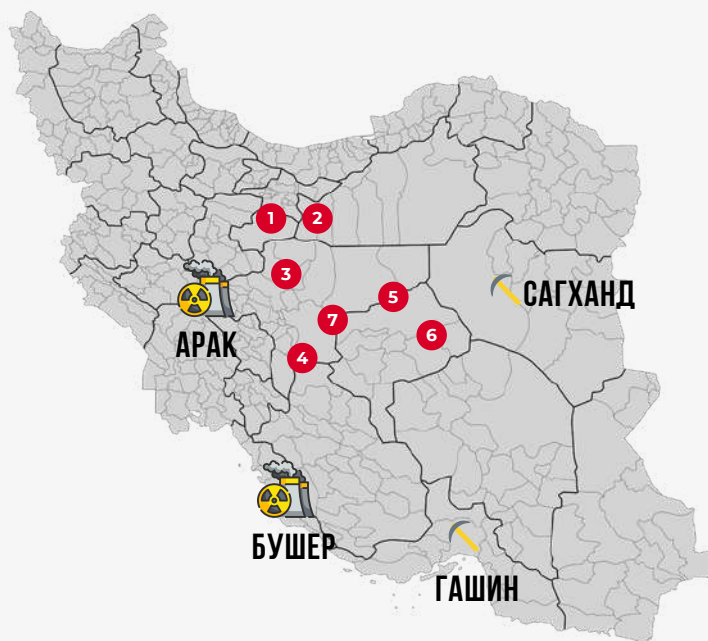
Реактор

Ядерный комплекс

Шахта по добыче урана

- 1 КЕРЕДЖ** содержит некоторое оборудование для обогащения
- 2 ТЕГЕРАН** главный ядерный исследовательский центр
- 3 ФОРДО** завод по обогащению урана
- 4 ИСФАХАН** исследовательские реакторы, конверсия урана
- 5 ЭНАРЕК** захоронение ядерных отходов
- 6 ЭРДЕКАН** завод по производству ядерного топлива
- 7 НАТАНЗ** главный завод по обогащению урана

Источник: Agence France-Presse, AFP

2021 год может стать переломным в судьбе СВПД. Вполне вероятно, что Лондон, Париж и Берлин, исчерпав дипломатические ресурсы для ведения переговоров с Тегераном, встанут на сторону Вашингтона.

При сохранении поддержки Москвы и Пекина провести новый пакет международных санкций через СБ ООН не удастся. Однако это не означает, что режим санкционного давления не может быть усилен за счет односторонних ограничений со стороны западных участников СВПД и их региональных союзников.

Люк Кофи,
Директор Центра
изучения внешней
политики в The
Heritage Foundation

Из-за ужасных экономических обстоятельств и последствий глобальной пандемии COVID-19 внутриполитическая ситуация в Иране приведет к тому, что у его лидеров не останется иного выбора, кроме как вернуться за стол переговоров.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Нарастающая напряженность вокруг Ирана в 2021 году будет держать весь Ближний Восток под угрозой военной эскалации.

Для проецирования возможных направлений развития ситуации можно выделить несколько сценариев.

БАЗОВЫЙ

За оставшееся время до иранских президентских выборов в июне 2021 года, которые с большой вероятностью могут привести к победе консерваторов, нынешнее реформаторское руководство в Тегеране во главе с Хасаном Роухани попытается создать условия для отмены санкций.

Активизация ядерной программы Ирана, включая производство урана с обогащением на уровне 20% создают необходимый информационный фон для привлечения внимания к проблеме восстановления ядерной сделки.

Фактическая денонсация СВПД запускает серию переговоров в формате «P5+1», однако достичь явного прогресса не удастся. Страны «пятерки» предпочтут дождаться президентских выборов в ИРИ, чтобы четко понимать перспективность дальнейшего диалога.

Тем временем интенсивность прокси-войн и диверсий на Ближнем Востоке продолжит нарастать. Увеличится количество нападений на нефтяную инфраструктуру, а также опасных провокаций, связанных с передвижением танкеров в Персидском заливе.

При этом ни региональные игроки, ни США, скорее всего, не решатся пойти на прямое военное столкновение с Ираном, учитывая все возможные риски начала полномасштабной войны.

НЕГАТИВНЫЙ

В условиях растущей напряженности и отсутствия переговоров по СВПД очередная силовая провокация станет спусковым крючком масштабного военного противостояния с участием Ирана и его региональных противников.

В рамках ожесточенной прокси-войны Иран задействует союзные группировки в Ираке, Ливане, Сирии и Йемене. В конфликт будет втянут и Израиль через столкновения с «Хезболлой», с последующим вторжением в Сирию и Ливан.

При этом Саудовская Аравия и Израиль попытаются максимально вовлечь в конфликт американцев. В результате ИРИ заблокирует Ормузский пролив, через который проходит около 30% всего нефтяного трафика в мире.

Это станет потрясением для мировой экономики. Эскалация военной напряженности приведет к срыву нефтяных поставок, что может взвинтить нефтяные цены до \$150 за баррель.

Под ударом окажутся крупнейшие мировые импортеры нефти, а именно, Китай и Индия, а также другие азиатские экономики, ориентированные по покупке ближневосточной нефти.

В результате хрупкие перспективы восстановления глобальной экономики окажутся под серьезной угрозой. Мир вновь начнёт сползать к краю масштабной глобальной рецессии.

ПОЗИТИВНЫЙ

Администрация Джо Байдена начнёт активные консультации с европейскими партнерами относительно перезапуска СВПД.

В качестве жеста доброй воли Тегеран сохранит сотрудничество с МАГАТЭ в прежнем формате и станет ожидать ответных шагов от стран «пятерки».

США гарантируют приостановку разработки новых санкционных ограничений. Возможно временное снятие нефтяного эмбарго на покупку иранской нефти для ограниченного круга государств в ограниченном объеме. В свою очередь, Иран заморозит закон об активизации ядерной деятельности и частично восстановит работу по условиям СВПД.

Деэскалация ситуации вокруг иранской ядерной программы и смягчение санкций позволят не допустить резких односторонних шагов со стороны Ирана на рынке нефти и очередного мирового обвала нефтяных котировок.

В результате возобновления дипломатического процесса и относительной стабилизации ситуации, риск прямого военного столкновения между США и его союзниками с Ираном будет нейтрализован, а перспективы устойчивого восстановления мировой экономики получают новый серьезный стимул.

РИСК 5

ДЕКАПЛИНГ

Источник: Shutterstock
Автор: Морис

Хотя США и Китаю удалось избежать полномасштабной торговой войны в 2020 году, градус противостояния держав вряд ли снизится в обозримой перспективе.

Экономическая взаимозависимость сторон, долгие годы выступавшая сдерживающим фактором, сегодня стала рассматриваться в качестве одного из ключевого вызова национальной безопасности, как в Вашингтоне, так и в Пекине.

Таким образом, вопрос не в том, будет ли продолжен курс на экономический декаплинг в 2021 году, а в том, какую форму и масштабы он примет при новой администрации в Вашингтоне.

КОРОНАВИРУСНЫЙ ШОК

Пандемия коронавируса заставила мир «по-новому» взглянуть на проблему зависимости по многим категориям товаров из Китая.

Локдаун в Китае в начале года, и последовавший за ним спад китайского производства и экспорта, продемонстрировали многим странам, и прежде всего США, насколько критичен их уровень зависимости от поставок из КНР, включая товары первой необходимости.

Так, вопрос зависимости американского рынка от китайских медикаментов перешёл в разряд вопросов национальной безопасности: по некоторым оценкам, более 90%

поставок антибиотиков, витамина С, ибупрофена и кортизола в США приходилось на Китай.

Серьезные проблемы вызвали и перебои с поставками защитных средств и аппаратов ИВЛ, экспорт которых из КНР упал в период активной борьбы с вирусом в Китае в начале 2020 года.

Все это стало серьёзным звонком для США о необходимости снижения зависимости американского рынка от импорта из Китая, в особенности в части товаров жизненной необходимости, таких как медикаменты.

Ситуацию также усугубили пробуксовки в выполнении Пекином условий Фазы 1 торговой сделки, которая была заключена в начале 2020 года. За 8 месяцев план по поставкам сельскохозяйственного сырья США в КНР выполнен лишь на 29%, продукции обрабатывающей промышленности – на 40%, а энергетических товаров – на 18%.

В результате тезис о необходимости наращивания производственной независимости от Китая приобрел доминирующее звучание во внутривнутриполитической дискуссии в США. Президент Трамп заявил о готовности «полностью разорвать экономические связи с Китаем». В Конгрессе США начали обсуждать возможность создания фонда в размере \$25 млрд, средства которого будут направлены на покрытие финансовых издержек американских компаний, желающих вернуть производство в США.

Примеру США последовали и другие страны Запада. Так, в сентябре 2020 года Европейская комиссия опубликовала Отчет по стратегическому форсайту, в котором отмечается, что пандемия COVID-19 продемонстрировала уязвимость блока перед внешними поставками, в первую очередь из КНР, в таких сферах как медикаменты.

Власти Японии объявили о создании фонда в размере \$2 млрд для компаний, решивших перевести свои производственные мощности из Китая в Японию или в страны Юго-Восточной Азии.

Об аналогичных планах диверсификации импорта и создания необходимых производств на своей территории также объявили власти таких стран, как Индия, Южная Корея и Австралия.

Пример Австралии, чьи прежде успешные экономические связи с Китаем резко ухудшились на фоне политических разногласий, стал мощным аргументом для сторонников снижения слишком тесной экономической кооперации с Пекином.

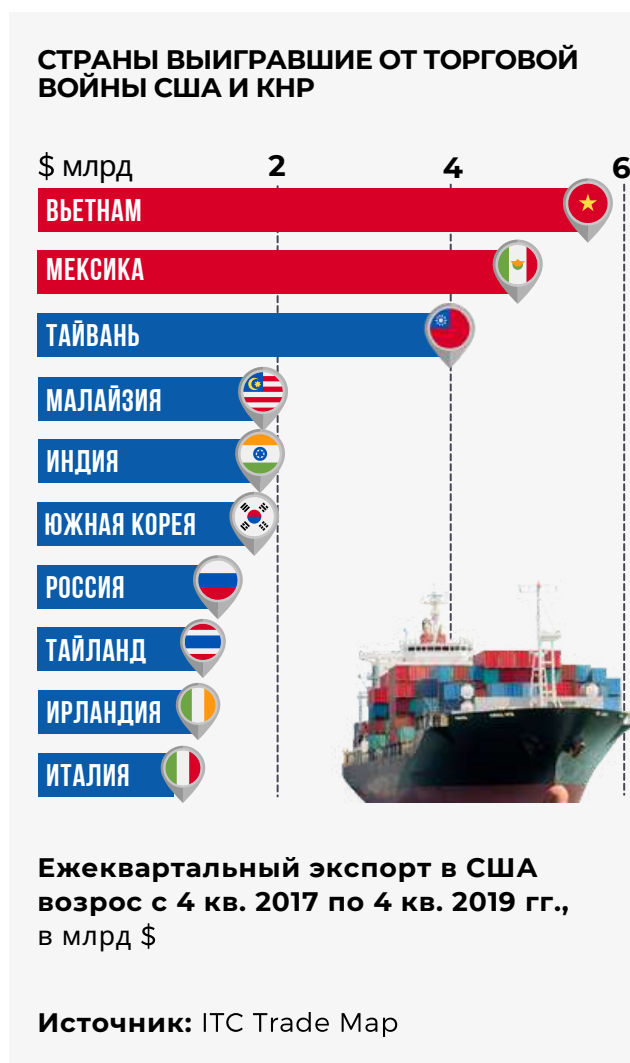
ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗРЫВА

Вместе с тем, несмотря на желание многих на Западе, прежде всего в США, осуществить экономический развод с КНР, масштаб этого процесса имеет серьезные ограничения с учетом целого ряда факторов.

Во-первых, разрыв торгово-экономических связей с КНР не решит задачу сокращения торгового дефицита и возвращения выведенных производств в США.

Как показал опыт торговой войны, ограничение импорта товаров из Китая приводит к тому, что высвободившееся место занимают не местные американские производители, а экспортеры из других стран.

К примеру, с 2017 по 2019 гг. в период активной фазы торговой войны экспорт в США существенно нарастили такие страны, как Мексика, Вьетнам, Малайзия и Тайвань.

Во-вторых, в обозримой перспективе будет крайне сложно заменить Китай на других поставщиков.

Часто в качестве альтернативы фигурируют такие страны, как Индия или Вьетнам. Однако оказалось, что Китай слишком велик и тесно интегрирован в мировую экономику, чтобы его можно было быстро и безболезненно заменить.

К примеру, общее количество промышленной рабочей силы Вьетнама составляет лишь 7% от промышленных рабочих КНР. На Китай приходится более 28% глобального промышленного производства, тогда как на Вьетнам лишь 0,27%.

В-третьих, геополитические мотивы и интересы США как государства, далеко не во всем соответствуют интересам крупного американского бизнеса.

За годы тесного экономического взаимодействия с Китаем, корпорации из США накопили серьезные активы в китайской экономике, которые оцениваются в сумму около \$700 млрд и генерирует около \$500 млрд дохода в КНР ежегодно.

По данным Американской торговой палаты в КНР, несмотря на призывы Вашингтона, лишь 9% из опрошенных респондентов сообщили о начале переноса производственных мощностей из Китая.

В-четвертых, эффективность политики одностороннего давления США снижается на фоне роста значимости альтернативных рынков для китайского экспорта.

Сегодня Китай – это не просто крупнейшая мировая фабрика, а экономический центр АТР, страны

которого вынуждены всё более ориентироваться в своем развитии на Пекин.

К примеру, по итогам 8 месяцев 2020 года блок АСЕАН стал крупнейшим торговым партнером КНР, потеснив ЕС и США.

Роль Китая для стран Восточной Азии и АТР будет расти и дальше в свете завершения процедур по созданию Всеобъемлющего регио-нального экономического партнерства (ВРЭП).

Таким образом, одномоментный разрыв экономических связей США и КНР видится маловероятным. Очевидно, что решение вопроса декаплинга с Китаем потребует более сложных и системных шагов со стороны Вашингтона. Об этом свидетельствует и риторика членов команды Байдена, которые выступают за «избирательный декаплинг» в тех сферах, которые представляют наибольшую угрозу для национальной безопасности США.

Бруно Масаеш,
старший советник
Flint Global, Министр
Португалии по
европейским делам
(2013-2015)

Безусловно, во многих секторах экономики будет наблюдаться определенный уровень декаплинга, но так было всегда. Китай, в частности, всегда считал определенные области стратегическими и стремился защитить свои позиции. В настоящее время Соединенные Штаты придерживаются аналогичного подхода. Общий декаплинг во всех областях представляется невозможным или даже нецелесообразным.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ГОНКА

В 2021 году процессы декаплинга между США и Китаем наиболее сильно затронут области соперничества в технологической сфере. Речь, в первую очередь идёт о гонке за мировое доминирование в создании сетей передачи данных формата 5G и глобальных поставках соответствующего оборудования.

Оба игрока хорошо осознают, что первенство в новейших технологиях, которые в перспективе станут определяющими в плане глобального лидерства, закрепит за их обладателями критические преимущества.

В этой связи, курс Вашингтона на разрыв технологических связей с компаниями из КНР будет продолжен. В частности, американцы пойдут на дальнейшее сокращение инвестиций в китайский рынок инновационных разработок. Также будут множиться барьеры на пути сотрудничества между научно-исследовательскими кругами двух стран.

При этом, при президенте Байдене одностороннее давление на китайские технологические корпорации будет дополнено координацией усилий стран-союзников.

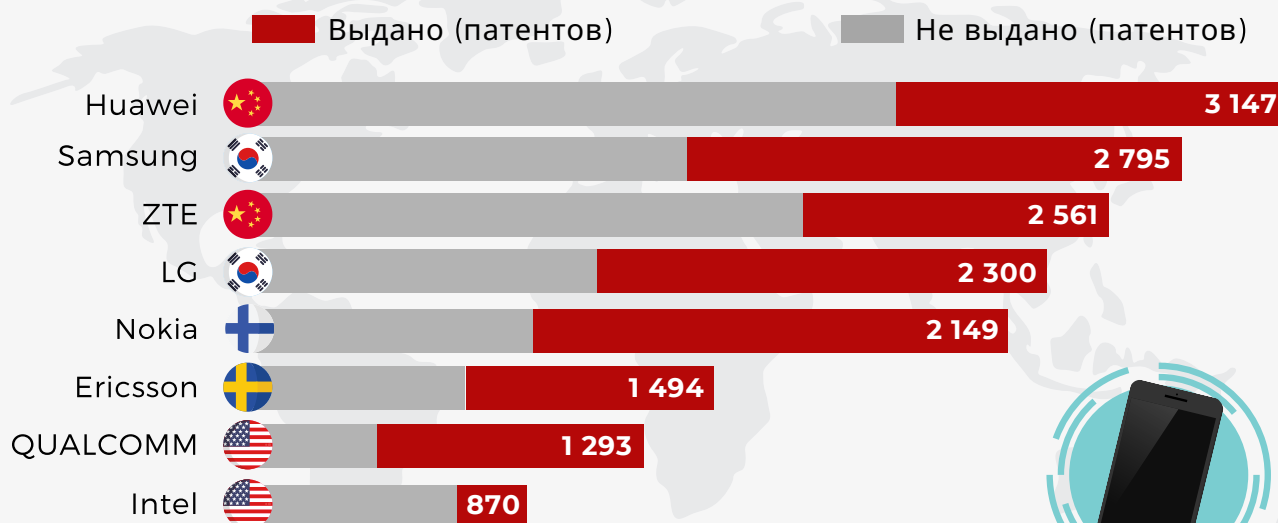

Эрик Браттберг,
директор
Европейской
Программы, научный
сотрудник Фонда
Карнеги за
международный мир

Дебаты вокруг Huawei-5G свидетельствуют о том, что европейские правительства имеют всё большие подозрения в отношении потенциальных рисков безопасности, которые представляют технологии китайского производства. С европейской точки зрения, эти усилия рассматриваются как неотъемлемая часть укрепления собственного "суверенитета" ЕС в условиях всё более многополярного мира.

КТО ЛИДИРУЕТ В ГОНКЕ 5G ПАТЕНТОВ?

Количество поданных заявок по патентам 5G

Источник: IPlytics

Администрация Байдена попытается использовать имеющиеся опасения в отношении растущего доминирования Китая для вовлечения максимального числа стран Европы и региона АТР в технологический альянс под эгидой США.

Особое значение в этом плане будет иметь координация политики с ключевыми странами в сфере разработки и производства высокотехнологического оборудования и его компонентов, включая Германию, Японию, Швецию, Южную Корею и Тайвань.

ИГРЫ ТОРГОВЫХ БЛОКОВ

Другой линией напряжения может стать конкуренция в формировании новых

торговых блоков, задающих стандарты и правила игры в области международной торговли.

Пекин сполна воспользовался хаотичной политикой администрации Дональда Трампа в торговой сфере, включая неожиданный отказ от создания Транс-Тихоокеанского партнерства. В результате, Китай серьезно продвинулся вперед, добившись подписания в ноябре 2020 года ВРЭП – крупнейшего торгового блока в мире.

На страны ВРЭП приходится свыше 30% глобального ВВП и свыше 27% доли глобальной торговли.

ТТП-11 ПРОТИВ ВРЭП

Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)

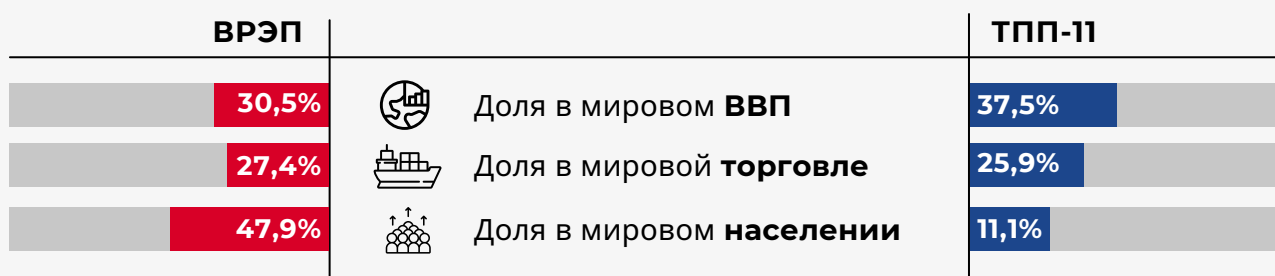
Оба

Транстихоокеанское партнерство (ТТП-11)

*Индия вышла из переговоров в 2019 году

**США вышли из переговоров в 2017 году

Источник: Brookings

Для Пекина создание ВРЭП важно не только с точки зрения формирования вокруг себя выгодного торгового блока, но и в плане снижения значимости Запада в структуре внешней торговли Китая.

Очевидно, что в ответ администрация Байдена актуализирует многостороннюю повестку во внешней политике США, осознавая, что противостоять Китаю в одиночку будет невозможно.

В середине ноября 2020 года Байден уже пообещал приложить усилия в пересмотре глобальных правил торговли. По его мнению, для этого США потребуется мобилизация поддержки других демократических стран.

В 2021 году команда Байдена попытается вновь перезапустить прерванный процесс создания Транс-Тихоокеанского партнерства (TPP), на который приходится 37,5% глобального ВВП и почти 26% доли глобальной торговли.

Активно вовлекая такие страны, как Индия, Япония и Австралия, одновременно участвующих как во ВРЭП, так и в TPP, Вашингтон попытается перехватить инициативу у Пекина в создании мощного альтернативного центра экономического притяжения в обширном Индо-Тихоокеанском регионе.

НАВЕСТИ ПОРЯДОК ДОМА

С точки зрения Байдена, более разумная стратегия противостояния с КНР должна начинаться с укрепления внутреннего экономического потенциала США.

В рамках своей избирательной кампании Байден предложил экономический план возрождения американской

промышленности «Build Back Better» («Строить лучше прежнего»), на который он обещал затратить около \$700 млрд.

Байден также поставил задачу выделения в течение следующих 4 лет более \$400 млрд на закуп американских промышленных товаров и услуг.

Другим важным шагом должен стать план по выделению масштабных инвестиций в размере \$300 млрд на развитие новых технологий – от электромобилей и инновационных лёгких материалов до сетей 5G и искусственного интеллекта.

Все это необходимо не только с точки зрения снижения зависимости от КНР по стратегически важным секторам, но и поддержания долгосрочного лидерства США в области высоких технологий.

Пекин также продолжит меры по обеспечению самодостаточности китайской экономики и развитию собственных независимых технологий. Об этом в частности свидетельствуют решения 5-го пленума ЦК КПК 19-го созыва, которые закрепили тренд на усиление роли внутреннего рынка в рамках стратегии «двойной циркуляции», а также чёткий приоритет на укрепление технологического суверенитета Китая.

Таким образом, в 2021 году тема декаплинга США и их союзников от КНР продолжит свое развитие, особенно в технологической сфере. Смена президентской администрации в Вашингтоне внесёт определенные тактические изменения, однако общая установка на снижение экономической взаимозависимости будет оставаться ключевым стратегическим сюжетом для всех сторон.

СЦЕНАРИИ И ПРОГНОЗЫ

➔ БАЗОВЫЙ ПРОГНОЗ

Стандартное развитие ситуации предполагает умеренное давление США на Китай по линии Фазы 1 торговой сделки. Одновременно Байден вероятно не станет вводить дополнительные тарифы в отношении китайских товаров.

Как Вашингтон, так и Пекин заинтересованы во временной стабилизации торгово-экономических отношений для быстрого преодоления экономических последствий пандемии.

Пекин скорее всего расширит доступ к китайским финансовым рынкам, а также увеличит закупки американских товаров (особенно сельскохозяйственных и энергетических), США в ответ будут постепенно снижать пошлины на китайский импорт.

В целом, команда Байдена сфокусируется на решении накопившихся внутренних проблем США. В свою очередь власти КНР попытаются не провоцировать дестабилизацию на внешнем контуре накануне важных внутривнутриполитических процессов и событий, включая приближающийся 20-й съезд КПК в 2022 году.

В тоже время, противостояние в технологической сфере продолжит нарастать. Наиболее жесткая конкуренция будет складываться в сфере беспроводной связи 5G. Строительство сетей 5G продолжит расширяться в развитых странах, что будет ставить регуляторов и участников телекоммуникационного рынка перед выбором в пользу китайского или западного оборудования.

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Процесс постепенной нормализации торгово-экономических отношений может наткнуться на проблемы в геополитической сфере, которые сложно поддаются контролю.

Для демократической администрации в Вашингтоне будет невозможно игнорировать ситуацию с правами человека в КНР, которая в любой момент может стать триггером нового ухудшения отношений. В этой перспективе предстоящие выборы в законодательные органы Гонконга осенью 2021 года станут очередным серьезным тестом.

С другой стороны, Пекин, который вышел из пандемии с наименьшими потерями может отказаться идти на дальнейшие компромиссы с Вашингтоном, в том числе в плане заключения новой торговой сделки.

В качестве условия взаимных уступок Китай может потребовать отмены ограничений, введенных в отношении китайских технологических корпораций в период правления Трампа. Однако новая администрация в Вашингтоне вряд ли согласится идти на подобный шаг, продолжая форсировать процесс технологического декаплинга.

Одновременно команда Байдена перейдет к более активным действиям по формированию альтернативных Китаю торговых, инвестиционных и технологических альянсов, стремясь вовлечь в их орбиту максимальное количество стран.

В результате риск ускоренной фрагментации мировой экономики на два противоборствующих торговых и технологических блока приобретёт вполне реальные очертания.

РИСК 6

ДЕМОНТАЖ РЕЖИМА ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

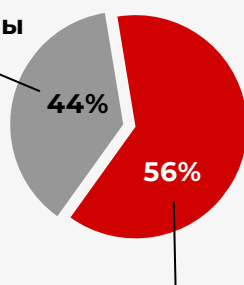

Через тридцать лет с момента окончания Холодной войны мир стоит на пороге новой неограниченной гонки ядерных вооружений. В условиях возросшей конфликтности международных отношений, увеличения количества ядерных игроков и череды неразрешённых кризисов (Иран, КНДР и т.д.) новая ядерная гонка грозит принять более опасный и непредсказуемый характер, чем в годы Холодной войны.

Как показывает анализ оценок экспертов Астана клуба, 2021 год рискует стать серьезнейшим испытанием для всей архитектуры глобальной ядерной безопасности.

Какое будущее у режима ядерного разоружения и нераспространения в 2021 году?

Ядерные державы смогут выстроить эффективный стратегический диалог

Наступит полный демонтаж режима ядерного разоружения и нераспространения

США – РОССИЯ: РАЗВАЛ ДОГОВОРНОЙ БАЗЫ

Главным источником нестабильности в 2021 году по-прежнему являются противоречия между США и Россией – двумя крупнейшими ядерными державами, на которые приходится 90% всего мирового ядерного арсенала.

Развал Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) в августе 2019 года запустил «цепную реакцию» событий, которые поставили под угрозу всю систему контроля над ядерными вооружениями.

Одним из последних ударов стало решение Вашингтона в мае 2020 года выйти из Договора по открытому небу, который позволял совершать авиационные инспекции, предоставляя сторонам объективную информацию о ядерном потенциале соперника. В ответ в середине января 2021 года Россия также заявила о своем выходе из договора об открытом небе.

Евгений Бужинский,
председатель
совета, ПИР-Центр

Отсутствие надежной информации о потенциале вероятного противника будет заставлять Москву и Вашингтон ориентироваться на пессимистичные сценарии. Это будет создавать предпосылки к наращиванию собственного арсенала и гонке стратегических ядерных вооружений.

Следующим на очереди встал вопрос продления договора СНВ-3. Его срок истек в начале февраля 2021 года. Судьба документа, который является важной гарантией от скатывания мира в очередную ядерную гонку, оказалась заложником геополитических противоречий Москвы и Вашингтона.

Хотя сторонам вероятно удалось договориться о продлении соглашения на следующие 5 лет, пролонгация не сможет решить огромный клубок накопившихся проблем в сфере стратегических наступательных вооружений.

К тому же судя по заявлениям членов команды Джо Байдена в СМИ, с точки зрения американских интересов продление СНВ-3 должно стать лишь основой для переговоров о новом соглашении, куда должен быть вовлечен Китай. Кроме того, в новом соглашении необходимо прописать ограничения на новые виды вооружений (в том числе и гиперзвуковые).

Очевидно все эти условия не найдут встречной поддержки у Москвы, у которой к Вашингтону есть свой длинный список встречных требований и претензий, включая вопросы размещения элементов американской системы ПРО в Европе.

Кроме того, кризис в переговорах России и США обусловлен далеко не только проблемами двусторонних отношений, но и более глубинными факторами трансформации военно-стратегического баланса сил в мире.

По сути, прежние механизмы контроля над ядерными вооружениями, которые во многом базировались на двусторонних договоренностях Москвы и Вашингтона, уже не соответствуют современным реалиям.

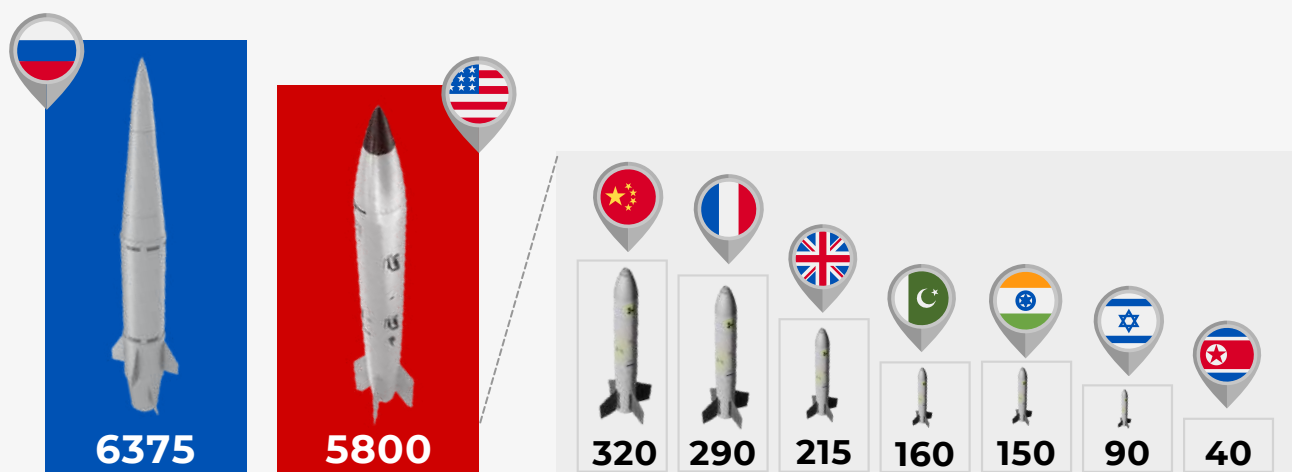
Во-первых, Китай превращается в важнейшего глобального игрока в сфере ракетно-ядерных вооружений.

В результате идея о необходимости перевода действующего двустороннего переговорного формата между Москвой и Вашингтоном в многосторонний набирает всё больше популярности.

Очевидно, что не только США, но и Россия заинтересована в вовлечении Китая и других крупных ядерных держав в систему формальных ограничений в сфере наращивания ядерного арсенала.

Однако готовы ли другие члены ядерного клуба к такому шагу? Судя по действиям и заявлениям сторон, пока до этого весьма далеко.

ОЦЕНОЧНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ АРСЕНАЛЫ ЯДЕРНЫХ БОЕГОЛОВОК НА 2020 ГОД

Источник: SIPRI

В Китае отказываются вести переговоры по ограничению своего ядерного арсенала. Более того, в КНР всё громче звучат голоса тех, кто призывает активно наращивать китайский ядерный потенциал, который должен соответствовать возросшей мощи и новому мировому статусу Поднебесной.

Европейские ядерные державы также неохотно воспринимают идею принятия ограничений. Так, выступая в феврале 2020 года, президент Франции Эммануэль Макрон отметил неуместность сравнения ядерных арсеналов России и США с другими членами ядерного клуба.

Во-вторых, появились качественно новые риски, связанные с опережающим развитием военных технологий.

Произошедший технологический скачок практически размыл грань между ядерными и неядерными вооружениями. Это значительно повышает риски и угрозы непреднамеренного провоцирования термоядерного конфликта.

Кроме того, современная гонка вооружений все больше смещается от количественных к качественным показателям. В этой ситуации действующий формат соглашений, акцентирующий внимание на количественных параметрах ограничений, уже не соответствует новой реальности.

Необходимы принципиально новые подходы, которые будут в полной мере отражать опережающие темпы развития асимметрических возможностей новых военных технологий.

ГИПЕРЗВУКОВОЕ ОРУЖИЕ

Гиперзвуковая скорость колеблется от 5 до 10 Махов, или от 6 174 до 12 348 км/ч

Циркон 3М22

6 500 км/ч

Boeing X-51

6 200 км/ч

BrahMos-2

7 434 км/ч

AS-19 Koala

5 310 км/ч

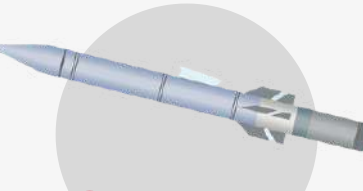
DF-ZF (Wu-14)

12 359 км/ч

Shaurya

7 434 км/ч

Источник: Valdai Club

Требуется выработка эффективных правил и ограничений в таких сферах, как кибероружие, гиперзвуковые ракеты и системы искусственного интеллекта. Без этого мир будет находиться в условиях постоянно возрастающих рисков эскалации конвенциональных военных конфликтов до уровня термоядерной войны.

Алексей Арбатов,
руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) им. Примакова

В отличие от прошлой холодной войны, эта гонка будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным вооружениям большой дальности в неядерном оснащении (в том числе гиперзвуковым), а также развитием космического оружия, средств кибервойны и автономных систем с искусственным интеллектом.

В ОЖИДАНИИ 10-ОЙ ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО

Описанные выше проблемы создали крайне негативный фон в преддверии очередной 10-ой Обзорной конференции Договора по нераспространению ядерного оружия (ДНЯО) – краеугольного камня в поддержании стратегической ядерной стабильности в мире.

В мае 2019 года завершилась работа третьей, последней сессии Подготовительного Комитета, которая отразила весь накопленный комплекс противоречий. По её результатам, сторонам не удалось выработать документ для итоговой конференции ДНЯО.

Основная критика исходит от стран, не обладающих ядерным оружием. Неядерные страны недовольны отсутствием прогресса со стороны ядерных государств в реализации одного из основных пунктов ДНЯО – планомерного движения к полному ядерному разоружению.

На этом фоне набирает популярность идея о необходимости реформирования режима ДНЯО вплоть до его полной замены на более кардинальные инструменты, такие как Договор о запрещении ядерного оружия.

Кроме того, существует множество других «подводных камней», которые могут заблокировать прогресс в вопросах ядерного нераспространения и разоружения.

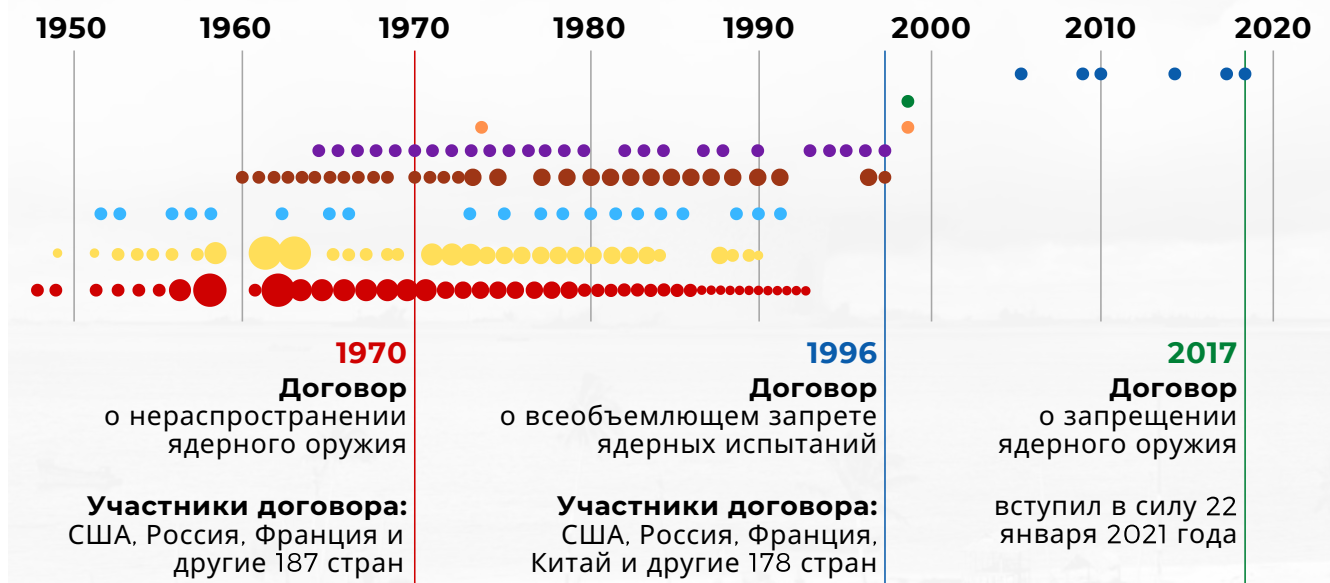
Так, нерешенной остается задача создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Очевидно, что на фоне проблем вокруг ядерной программы Ирана и де-факто ядерного статуса Израиля достигнуть ощутимого прогресса по этому пункту будет крайне проблематично.

Также на фоне одностороннего выхода США из СВПД по Ирану крайне маловероятным выглядит то, что удастся добиться ощутимого прогресса по разоружению на Корейском полуострове.

Наконец, в подвешенном состоянии оказалось будущее Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Ряд ключевых стран не только не ратифицировали ДВЗЯИ, но и, вероятно, рассматривают возможность возобновления ядерных испытаний.

ИСТОРИЯ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ И ДОГОВОРОВ О РАЗОРУЖЕНИИ

■ США (1 030) ■ СССР/Россия (715) ■ Великобритания (45) ■ Франция (210)
■ Китай (45) ■ Индия (3) ■ Пакистан (2) ■ Северная Корея (6)

Источник: Ассоциация по контролю над вооружениями, UNODA, СТВТО

В результате Обзорная конференция по ДНЯО рискует вновь завершиться провалом, и в 2021 году наступит кризис режима ядерного разоружения и нераспространения.

Мохаммед Эль-Барадей, лауреат Нобелевской премии мира, экс-генеральный директор МАГАТЭ

Я не думаю, что мы нуждаемся в новом правовом режиме. Что нам необходимо, так это добросовестная имплементация ядерными державами их уже существующих обязательств. С 90% имеющихся в мире ядерных боеголовок, мяч совершенно точно на поле США и России, которые должны сделать первый шаг.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

В целом, исходя из наблюдаемой сегодня в мире динамики в ядерной сфере можно выделить несколько возможных сценариев развития ситуации.

ПОЗИТИВНЫЙ

Согласие США на продление с Россией договора СНВ-3 еще на пять лет без дополнительных условий открывает «окно возможностей» для постепенных переговоров и заключения нового договора по ограничению стратегических вооружений в более отдаленной перспективе.

Также одним из важных факторов стабилизации американско-российских отношений может стать позиция президента Байдена по ряду важных вопросов.

Так, в рамках электоральной кампании избранный президент США отмечал, что не собирается форсировать разработку новых видов вооружений и выступает за сокращение ядерного арсенала.

В этом контексте вполне допустимо достижение ряда договоренностей по отдельным важным вопросам, такими как мораторий на размещение ракет средней и меньшей дальности и элементов американской ПРО в Европе, сдерживание милитаризации космоса и т.д.

НЕГАТИВНЫЙ

Приход команды Байдена к власти в США не решит накопленный комплекс проблем, который сложился в период прежних президентских администраций, начиная с Буша младшего.

Байденоу вряд ли удастся вывести российско-американское сотрудничество в ядерной сфере из текущего кризисного состояния, учитывая отсутствие базового уровня доверия между сторонами.

Также нельзя забывать, что среди демократов, в том числе и ближайшего окружения Байдена, есть немало сторонников более жесткого курса в отношении Москвы.

Эти люди очевидно не намерены смягчать позиций в вопросах стратегического сдерживания России, особенно в Европе.

В результате вопрос размещения американской ПРО и ракет средней и меньшей дальности в приграничных с Россией странах НАТО вновь встанет в центр двусторонней повестки.

Дополнительным фактором эскалации является успешное развитие американцами новых систем ракет перехватчиков. Так, 16 ноября 2020 года США провели успешные испытания ракеты-перехватчика SM-3, которая сбила мишень, имитирующую межконтинентальную ракету. Испытания вызвали беспокойство как в Москве, так и в Пекине, несмотря на то, что официально учения были направлены против КНДР.

Подобные действия американцев будут подталкивать Россию и Китай к еще более тесному сотрудничеству в оборонной сфере. В октябре 2019 года Владимир Путин уже заявил о том, что Россия помогает Китаю создать Систему предупреждения о ракетном нападении, что стало полной неожиданностью для многих наблюдателей.

Описанный вариант развития событий фактически не оставит шансов для новой стратегической разрядки и поиска эффективных компромиссов между ведущими мировыми ядерными державами.

В результате сценарий неуправляемой глобальной гонки ракетно-ядерных вооружений может стать практически неизбежным.

Источник: Shutterstock
Автор: Alexyz3d

РИСК **7**

ВЗРЫВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ

Источник: Shutterstock
Автор: Hayk_Shalunts

В 2020 году пандемия COVID-19 стала триггером политической дестабилизации во всем мире. По мере нарастания экономических и социальных последствий коронакризиса политические системы во многих странах окажутся под беспрецедентным давлением.

В результате, по мнению большинства респондентов опроса Астана клуба, вероятность взрыва социальных протестов, как массовой реакции населения на накопленный груз проблем, становится одним из ключевых рисков для Евразии в 2021 году.

Оцените вероятность риска протестов в странах Евразии в 2021 году

Источник: Опрос Astana Club

ВОЛНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Современные социальные и политические протесты являются отражением высокого общественного запроса на перемены, а также возросшего уровня социального расслоения и неравенства, которое еще более обострилось в результате пандемии.

По данным исследования группы ученых из Центра стратегических и международных исследований CSIS, с 2009 по 2019 годы количество массовых протестов в мире выросло в среднем почти на 11,5%. Лидерами стали такие регионы, как Ближний Восток и Северная Африка.

Очевидно, что наблюдаемая волна нестабильности стала следствием глубинных процессов, запущенных в еще в результате глобального финансового кризиса 2008-2009 гг.

По многим оценкам, последствия пандемии COVID-19 будут значительно глубже и масштабнее предыдущего кризисного периода, формируя более серьезные и острые вызовы для политической стабильности в перспективе.

В начале 2020 года, в первые недели локдауна многим странам удалось успешно стабилизировать ситуацию благодаря введению жестких мер социальной изоляции. Однако по мере развития эпидемиологического кризиса, роста экономических издержек и уровня внутренней усталости населения, дальнейшее продление карантинных мер стало провоцировать протестные настроения.

Так, начиная с конца марта 2020 г. в 26 странах мира вспыхнуло 30 массовых акций протеста против строгих карантинных мер, которые охватили как развитые страны Европы, так и более бедные государства Азии и Африки.

При этом культура и характер социальных протестов продолжили меняться все больше эволюционируя в сторону «революции соцсетей».

Наличие различных популярных онлайн платформ, в условиях массового пребывания людей на карантине открыло доступ к практически неограниченной аудитории для мобилизации.

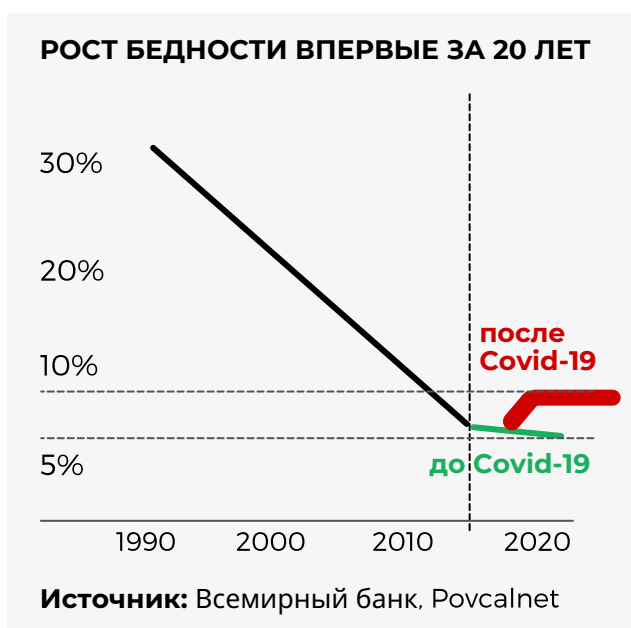
ФАКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

В 2021 году протестные волны будут резко и неожиданно вспыхивать по всему пространству Евразии под влиянием целого ряда объективных факторов.

УХУДШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Последствия пандемии приведут к неконтролируемому падению уровня доходов и экономического неравенства, что станет главной причиной роста протестного движения.

В 2021 году впервые за 20 лет ожидается рост абсолютной бедности в мире. За чертой бедности могут оказаться 150 млн человек. Глобальный уровень бедности, вопреки ранним прогнозам не сократится до 7,9%, а вырастет до 9,2%. Тяжелее всего это скажется на и без того уязвимом населении стран с низкими доходами.

Растущая бедность будет сопровождаться рекордным уровнем безработицы. Считается, что глобальный рынок труда сократится на 245 млн рабочих мест только за 2020 год, а уровень безработицы в странах ОЭСР может достичь 8,9%.

Особый риск представляет рост безработицы среди молодежи, которая испытывает непропорциональное давление в период сокращения спроса на рынке труда. К примеру, в странах ЕС уровень молодежной безработицы достиг опасных 17,7%, что более чем в 2 раза выше уровня общей безработицы (7,5%).

ТОП-10 СТРАН ЕС ПО УРОВНЮ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

(% от общего числа рабочей силы в возрасте 15-24 лет)

Источник: Bruegel

Как показали события периода «Арабской весны», именно высокий уровень безработицы среди молодежи, который достигал в регионе в среднем 23%, во многом и стал причиной политического взрыва на Ближнем Востоке.

НЕРАВНЫЙ ДОСТУП К ВАКЦИНЕ

Среди триггеров социальных протестов в 2021 году неравный доступ к вакцине может стать одним из ключевых.

Очевидно, что вакцина от коронавируса, на сегодняшний день разрабатываемая международными корпорациями, не будет бесплатной.

Учитывая бедственное экономическое положение большинства наименее развитых стран, закупить ее в объемах, необходимых для вакцинации всего населения не представится возможным.

Так, по данным ВОЗ, в 2019 году более 20 млн детей из бедных стран не смогли получить доступ к вакцинам против таких опасных заболеваний, как корь, дифтерия и т.д.

Согласно оценкам экспертов из университета Дьюка, несмотря на то, что клинические испытания по ряду вакцин еще официально не завершены, уже размещен заказ на закуп 6,4 млрд доз, одновременно идут переговоры по дополнительному заказу 3,2 млрд доз.

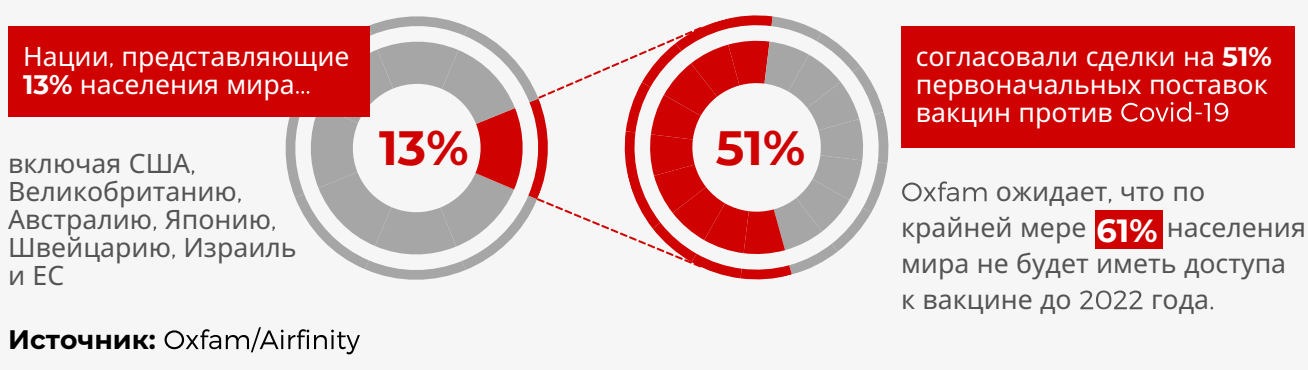
При этом страны, представляющие всего 13% населения мира, зарезервировали свыше 51% поставок вакцин от COVID-19. В результате ожидается, что свыше 60% мирового населения не будет иметь доступа к вакцинам до 2022 года.

Ситуация усугубляется вмешательством политических факторов при выборе той или иной вакцины. Быстрой и эффективной глобальной вакцинации препятствует подковерная борьба ключевых стран-производителей вакцин, которые используют доступ к вакцине для расширения своего влияния.

При таком неравномерном распространении вакцины вполне возможно, что некоторые страны будут вынуждены сохранить карантинные меры в течении всего 2021 года.

ЭКОНОМИКА ВАКЦИНЫ

Богатые страны закупили большую часть вакцин против COVID-19

Однако учитывая очевидную усталость населения от режима карантина, меры правительства будут восприняты населением крайне негативно, и сами локдауны станут причиной, по которой протесты выплеснутся на улицы многих городов.

Ариэль Коэн,
член совета по
международным
отношениям США

Если правящие элиты рассчитывают поддерживать порядок, они должны будут действовать дальновидно и активно реанимировать экономику, пострадавшую от COVID-19. Обеспечение системы социальной защиты и демонстрация приверженности эффективной политике в сфере здравоохранения, основанной на достоверных фактах, успокоит паникующих граждан.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРИГГЕРЫ

Пандемия поставила под удар правительства многих стран, усугубив кризис доверия к ключевым политическим институтам, который наблюдался в последние годы. Так, в 2019 году, до начала коронакризиса, лишь 45% жителей стран ОЭСР выражали доверие своим правительствам.

Реагируя на беспрецедентный эпидемиологический кризис правительства многих стран были вынуждены принимать непопулярные меры, вызывая критику общества.

К примеру, в начале 2021 года серии протестов против введения повторного локдауна прошли в ряде европейских стран, включая Францию, Нидерланды и Чехию.

Если эпидемиологическую ситуацию не удастся стабилизировать в ближайшее время, кризис доверия к политическим институтам усугубится и протесты возобновятся с новой силой.

Несмотря на то, что позиции популистских партий и политиков во многих странах начали ослабевать, ухудшение социально-экономической ситуации на фоне очередной волны эпидемии может снова вывести радикальные популистские элементы на передний план.

КЛЮЧЕВЫЕ ЗОНЫ РИСКА ЕВРАЗИИ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Несмотря на то, что в регионе сейчас наблюдается спад политической активности, экономические последствия карантина могут резко увеличить напряжение между населением и властями.

Регион уже охвачен неконтролируемым ростом бедности и безработицы, которые в 2021 году будут подпитывать растущее недовольство и процессы радикализации.

Фактор риска представляет молодежь, составляющая почти 30% населения региона. Коронакризис существенно ухудшил социально-экономическое положение этой демографической группы. По данным Всемирного Банка, в 2020 году уровень безработицы среди молодого населения в арабских странах составил 27%, что почти в два раза выше среднемирового показателя 15,5%.

Особого внимания заслуживает ситуация в Иране, где ухудшение социально-экономической ситуации уже становилось ранее причиной роста протестной активности. По данным CSIS, более 72% из более чем 4 200 протестов, зафиксированных с 2018 по 2019 гг., были вызваны именно экономическими факторами.

Непосредственным триггером новой масштабной волны протестов в Иране могут стать итоги предстоящих в июне 2021 года президентских выборов.

Другая зона риска – Ирак, правительство которого столкнулось с серьезным кризисом ликвидности на фоне коронакризиса и было вынуждено девальвировать национальную валюту на 22%.

Экономические трудности на фоне пандемии ухудшили и без того сложное положение официального Багдада, столкнувшегося с очередной волной массовых протестов в октябре 2020 года. Намеченные на осень 2021 года парламентские выборы создают риск драматичного выплеска накопленного уровня недовольства населения Ирака.

| ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ

В 2021 году ухудшение социально-экономического положения населения в результате коронакризиса может стать причиной очередной волны дестабилизации в ряде постсоветских стран.

В Кыргызстане экономическая стагнация на фоне резкого сокращения денежных переводов мигрантов из России уже спровоцировала революционную смену президентской власти в октябре 2020 года.

Нестабильная эпидемиологическая ситуация в России в 2021 году вряд ли позволит властям открыть свой рынок труда для мигрантов из стран СНГ. Это будет оказывать серьезное давление на экономику Кыргызстана, провоцируя новый политический кризис.

По оценкам Всемирного банка, в 2021 году Беларусь станет единственной страной региона с негативным ростом ВВП (- 2,7%). На фоне стагнации белорусской экономики массовый протест может получить новую динамику. Тем более, что как показали события 2020 года белорусское общество уже кардинально изменилось и будет продолжать требовать смены политической власти.

Ситуация в Армении также продолжает балансировать на грани очередной революции. Война с Азербайджаном и пандемия обрушили национальную экономику, сокращение которой составило рекордные 8,5% в 2020 году. В результате, ухудшение социально-экономической ситуации открывает радикальной оппозиции реальный шанс для попытки свержения действующей власти.

Также осенью 2021 года пройдут парламентские выборы в России. Избирательная кампания для правящей партии «Единая Россия» будет крайне непростой. Массовая усталость и раздражение от последствий карантинных ограничений и ухудшение социально-экономического самочувствия населения способны привести к резкому нарастанию политических протестов. События января этого года показали наличие серьезного скрытого потенциала возможной дестабилизации.

| ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В 2021 году протесты в Таиланде могут вспыхнуть с новой силой, если правительство не будет реагировать на требования демонстрантов и продолжит препятствовать митингам, прикрываясь условиями пандемии.

Центральной темой протестов является реформа монархии, а движущей силой студенты, мобилизованные оппозиционной «Партией будущего». Хотя идеи о необходимости реформ появились задолго до самих событий, именно меры реагирования на COVID-19 стали главным триггером демонстраций.

Другой горячей точкой может вновь стать Гонконг, где на фоне стабилизации эпидемиологической ситуации и снятия карантинных ограничений могут возобновиться массовые протесты против власти Пекина.

Наконец, необходимо учитывать растущий протестный потенциал в Индии, самой густонаселенной стране мира. По прогнозам МВФ, экономика Индии сократится на рекордные 10,3% в 2020 году, что создаёт предпосылки для массовых протестов против правительства Моди, которое оказалось неспособным эффективно реагировать на коронавирусный кризис.

Таким образом, как и после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг., в 2021 году Евразия вступает в сложный и опасный период неопределенности. Негативные последствия пандемии наслаиваются на уже давно существующий комплекс социально-экономических проблем. Взаимно усиливая друг друга указанные факторы способны привести к беспрецедентному социальному взрыву.

Данило Тюрк,
президент Словении
(2007-2012),
президент
Мадридского клуба

Пандемия COVID-19 задала новую политическую повестку. Текущие социальные и политические разделения существенно углубились, а карантинные меры сформировали эффект «парового котла». Вполне вероятно, что социальные протесты, политическое насилие и вооруженные конфликты станут частью новой нормальности после COVID-19.

Источник: Shutterstock
Автор: lev radin

РИСК 8

ГЛОБАЛЬНЫЙ КИБЕР-КРИЗИС

Источник: Shutterstock
Автор: Serg001

Пандемия COVID-19 придала небывалый импульс глобальному процессу цифровизации. В период тотальных локдаунов цифровое пространство позволило сохранить функциональность мировой экономики, но одновременно значительно усилило зависимость от процессов в виртуальной сфере.

Как известно, зависимость порождает уязвимость. В период пандемии массовый переход «в цифру» привел и к параллельному росту кибер-угроз. Данный опасный тренд накладывается на проблему отсутствия общепринятых правил поведения между государствами в мировом кибер-пространстве.

В результате в 2021 году мир может впервые оказаться перед лицом кибер-кризиса глобального масштаба.

НАЧАЛО КИБЕР-ПАНДЕМИИ?

Инцидент с хакерской атакой вирусом «Sunburst», о которой стало известно в середине декабря 2020 года показал потенциальный масштаб современных угроз в сфере кибербезопасности.

В результате атаки хакеров, которую уже именовали как «крупнейшую в истории США», пострадали более 40 ключевых государственных структур Америки, среди которых министерство торговли и энергетики, Госдепартамент США, ряд важных исследовательских центров.

Хакеры действовали не напрямую, атакуя объекты госучреждений США, а через так называемую «цепочку поставок» программного обеспечения, которое предоставлялось компанией SolarWinds. В результате хакерской атаки пострадали около 18 тыс. клиентов компании, 80% которых распложены в США.

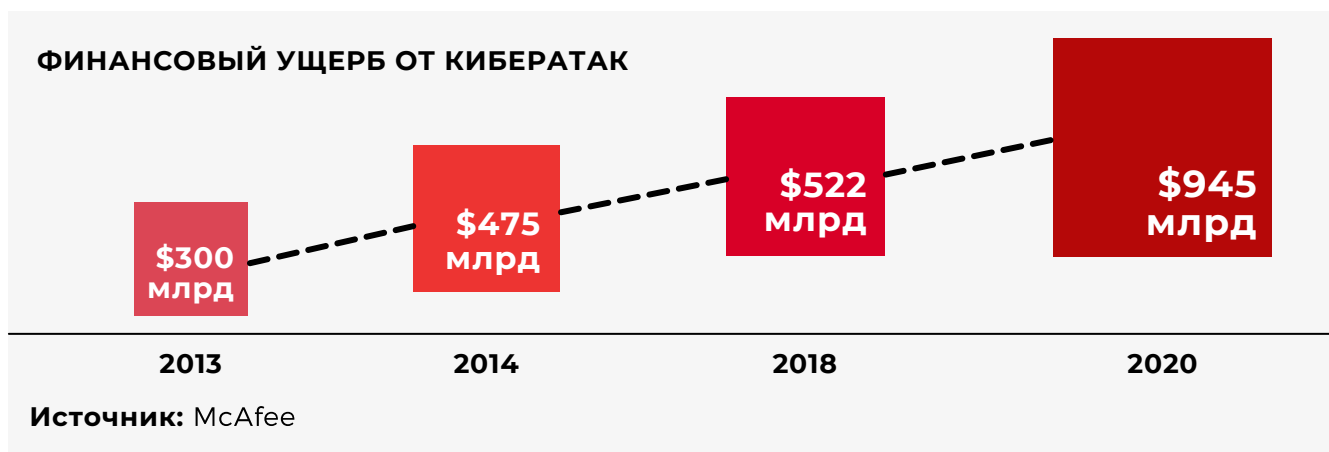
В целом, активный переход в онлайн сферу во время пандемии подстегнул небывалый рост кибер-инцидентов по всему миру. К примеру, еще в апреле 2020 года ФБР США сообщало о росте кибер-атак на 400% по сравнению с предпандемийным периодом. Уже в мае прирост количества кибератак в США составил 800%.

Схожую тревожную статистику давал и Интерпол, который идентифицировал более 200 тыс. инцидентов в 80 странах в мае 2020 года.

За последние годы наметилась устойчивая тенденция роста финансового ущерба от кибератак в глобальном масштабе. Пандемия значительно усугубила данный тренд.

Так, согласно отчету «Скрытые издержки кибер-преступности» (The Hidden Costs of Cybercrime) Центра стратегических и международных исследований (США, CSIS), в текущем году глобальные потери от кибер-преступлений могут достичь около \$1 трлн. Рост по сравнению с 2018 годом составил почти 50%.

На этом фоне правительства и бизнес по всему миру вынуждены выделять возрастающие ресурсы на борьбу с угрозами в цифровом пространстве.

По оценкам консалтинговой компании Gartner Inc., уже к 2022 году глобальный рынок информационной безопасности составит рекордные \$170,4 млрд.

Планируемое продление дистанционного формата работы из-за пандемии создаёт благоприятную почву для дальнейшего усиления рисков в виртуальной сфере.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ДРАЙВЕРЫ КИБЕР-УГРОЗ

Технологический прогресс, в особенности в сфере новых цифровых технологий, серьезно обострит ситуацию с кибер-угрозами в 2021 году.

В целом, можно выделить следующую основную группу технологий, которая будет масштабировать риски в кибер-пространстве в ближайшей перспективе.

ТЕХНОЛОГИИ 5G

Новое поколение сетей 5G не только позволит быстрее передавать огромные объемы цифровых данных, но и повысит риски потерь этих данных при кибератаках. Эксперты выделяют следующие риски, связанные с расширением сетей 5G:

- Отход от централизованной системы, основанной на «железе», в сторону более фрагментированной сети, базирующейся на «софте», в которую будет относительно легко вторгнуться.
- Значительное расширение охвата потенциальных пользователей скоростного интернета благодаря технологическим возможностям сетей. Особый риск представляет сфера Интернета вещей (IoT), которая предполагает взаимодействие машин друг с другом без участия человека.
- Наконец, расширение пропускной способности сети также создаст дополнительные возможности для потенциальных атак.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ИИ)

Расширение использования автоматизированных систем управления в различных сферах, в том числе и в военной, несет в себе существенные риски безопасности. Технологии ИИ могут использоваться хакерами для «автономного взлома» систем.

Вычислительные алгоритмы ИИ, которые работают автономно и с минимальной интервенцией со стороны человека, делают практически невозможным вычисление хакеров, инициировавших атаку.

С другой стороны, ИИ существенно повысит скорость и масштаб хакерских атак благодаря возможностям автоматической обработки огромного массива данных.

КВАНТОВЫЕ КОМПЬЮТЕРЫ

Квантовые компьютеры, которые значительно превосходят по вычислительной мощности традиционные, по мнению многих специалистов, могут стать фактором в корне меняющим правила игры.

Технологии квантовых вычислений позволят обрабатывать колоссальные массивы данных в предельно сжатые сроки, что существенно повышает риски в киберпространстве. Так, в перспективе квантовые компьютеры можно будет использовать в криптографии для гарантированного взлома даже наиболее зашифрованных данных.

Несмотря на то, что на сегодняшний день разработки в данной сфере носят экспериментальный характер, эксперты не исключают значительного прорыва в технологии уже в течение ближайших 3-5 лет.

КЛЮЧЕВЫЕ ЗОНЫ РИСКА

В 2021 году с точки зрения кибербезопасности наиболее проблемными станут следующие секторы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР

Одним из главных объектов хакерских атак могут стать информационные системы госучреждений, которые содержат огромные массивы стратегической информации.

Стив Дурбин,
управляющий
директор Форума по
Информационной
безопасности (ISF)

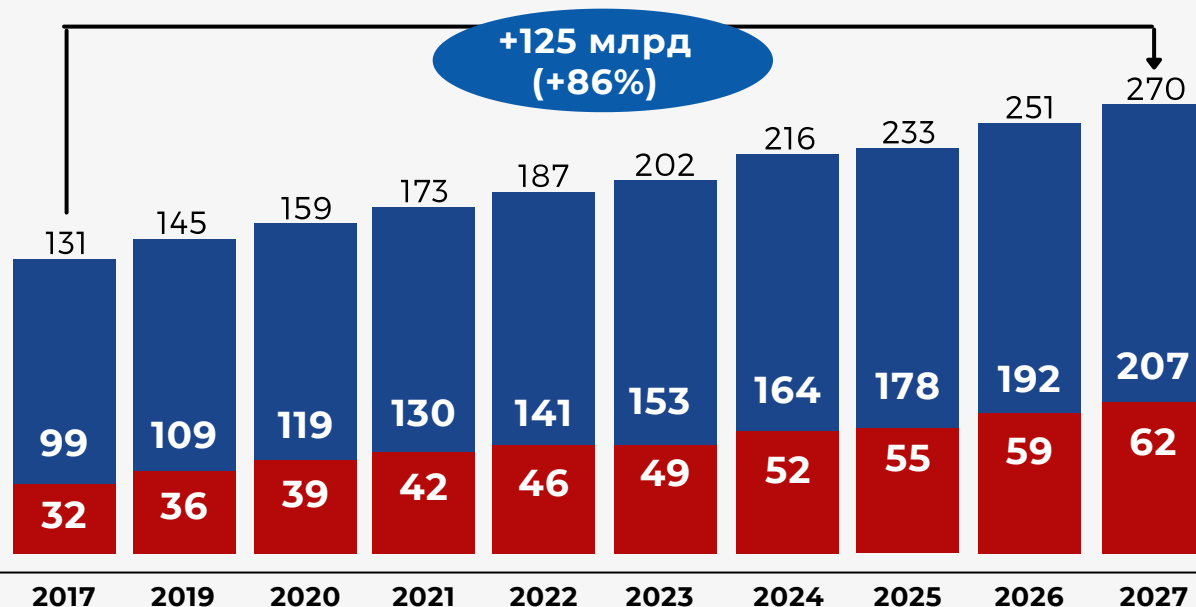
Те государства, которым удастся уйти в отрыв в развитии таких технологий, как Искусственный Интеллект, 5G, робототехника и квантовые вычисления получат беспрецедентное преимущество перед своими конкурентами в экономической, социальной и военных сферах. Совершенно очевидно и то, что организации, вовлеченные в разработку соответствующих технологий, станут приоритетным объектом кибершпионажа на государственном уровне.

По некоторым данным, в 2020 году затраты государств на IT сферу могут достигнуть \$438 млрд.

Особое внимание будет уделяться безопасности стратегически важной инфраструктуры, такой как электросети и транспортные системы. Опрос 700 специалистов по инфраструктуре в шести странах (США, Великобритания, Германия, Австралия, Мексика и Япония) Институтом Понемона (Ponemon Institute) выявил, что за последние 2 года 90% пострадали от хотя бы одного успешного кибер-нападения.

К примеру, Агентство США по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (Cybersecurity and infrastructure security Agency), определили 16 критических секторов, среди которых химический сектор, сектор коммуникаций, дамбы, ядерная инфраструктура и т.д.

ГЛОБАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ НА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ, МЛРД \$

Расходы на безопасность от **внутренних** угроз

Расходы на безопасность от **внешних** угроз

Источник: Gartner, Australian Bureau of Statistics

СЕКТОР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

На фоне пандемии коронавируса и растущей нагрузки на сектор здравоохранения значительно усилился масштаб хакерских атак в этом сегменте. К примеру, еще в апреле 2020 года представители ВОЗ сообщили о том, что хакеры взломали более 450 активных электронных почтовых ящиков структуры для рассылки ложной информации, а также для получения доступа к пожертвованиям для борьбы с пандемией.

По мере дальнейшего развития коронакризиса в сектор здравоохранения будут вливаться огромные средства, которые будут стимулировать интерес хакеров. К примеру, атака вируса Notpetya в 2017 году стоило фармацевтическому гиганту Merck более \$ 1,3 млрд.

СЕКТОР ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Несмотря на растущие кибер-риски, многие финансовые институты продолжают демонстрировать низкую готовность к потенциальным атакам хакеров. К примеру, согласно данным Deloitte, финансовые институты в среднем тратят лишь 10% своего IT бюджета на меры кибер-безопасности.

В начале 2020 года федеральный резервный банк Нью-Йорка провел исследование касательно потенциала угроз кибератак для платежных систем США. Моделирование показало, что успешная кибератака лишь на один из 5 крупнейших банков США может обрушить до 40% платежной системы страны.

По мере дальнейшего спроса на онлайн финансовые услуги в 2021 году, следует ожидать усиления рисков кибератак в финансовом секторе на глобальном уровне.

Тим Маурер,
директор Cyber Policy Initiative, старший научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир

Необходимо сделать больше для защиты финансовой системы, как основы экономического восстановления в пост-пандемийный период, от кибер угроз. На протяжении последних лет G20, G7, МВФ и другие структуры запустили ряд важных инициатив, которые служат стартовой точкой для выработки коллективных мер. Однако эти меры продолжают оставаться обособленными между различными государственными структурами, центральными банками и сферами, без четкой координации и определения обязательств.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИБЕР-КРИЗИСА

Бурное развитие технологий кибер-нападения связано с растущей геополитической конкуренцией ключевых мировых держав, в первую очередь США и Китая.

На этом фоне, отсутствие единых правил и стандартов в системе глобального управления кибер сферой, порождает множество серьезнейших рисков и угроз.

Потенциальные масштабы кибератак были наглядно продемонстрированы еще в 2009 году, когда была заражена компьютерная система ядерной программы Ирана вирусом Stuxnet (разработку которого приписывают спецслужбам Израиля и США).

КОЛИЧЕСТВО СЕРЬЕЗНЫХ КИБЕРАТАК ПО СТРАНАМ (2006-2020 ГГ.)

Серьезные кибератаки: атаки на гособъекты, компании в сфере высоких технологий и обороны, превышающие \$ 1 млн

Источник: Global Security Mag

Это был первый случай нанесения физического урона стратегической ядерной инфраструктуре в результате кибератаки.

На фоне усиления геополитической напряженности существенно возрастают риски киберагрессии на государственном уровне, которая может в любой момент трансформироваться в полноценный военный конфликт.

Ключевой риск заключается в том, что «кибервойна» (cyber warfare) представляет собой относительно новый феномен, адекватное реагирование на который имеет целый ряд трудностей:

Во-первых, зачастую крайне сложно отследить инициатора атаки, и соответственно доказать причастность государства к кибер агрессии.

Во-вторых, не выработаны критерии отнесения кибератак к вооруженному нападению, не сформированы универсальные принципы расследования киберинцидентов.

В-третьих, кибератаки представляют собой наиболее эффективный «асимметричный» вариант устрашения, который не требует значительных финансовых затрат в сравнении с традиционными видами вооружений.

Таким образом, отсутствие базовых правил поведения в кибервойне и низкий порог для её развязывания создают значительные риски для глобальной безопасности.

При этом кибервозможности (cyber capabilities) государств для осуществления атак в цифровой сфере начинают играть столь же значимую роль, как и традиционные военно-силовые инструменты.

Как показал последний инцидент с вирусом Sunburst, проблемы кибербезопасности будут играть всё более критическое значение для развития отношений между Россией и США.

ИНДЕКС КИБЕРМОЩИ СТРАН 2020

Страна	Общая оценка	Потенциал	Намерение использовать
США	50,24	1	2
КИТАЙ	41,27	2	1
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	35,57	3	3
РОССИЯ	28,38	10	4
НИДЕРЛАНДЫ	24,18	9	5
ФРАНЦИЯ	23,43	5	11
ГЕРМАНИЯ	22,42	4	12
КАНАДА	21,50	11	9
ЯПОНИЯ	21,03	8	14

Источник: Harvard, Belfer Center

Американцы наверняка не оставят без ответа то, что они считают кибератакой со стороны России. Ответная кибератака американцев может привести к спирали конфронтации, которая будет иметь крайне опасные и плохо предсказуемые последствия.

Еще одной зоной растущих рисков в кибер сфере является Ближний Восток, где масштабные кибероперации могут быть направлены против Ирана. Нельзя исключать и того, что Тегеран сам инициирует кибератаки на США и его союзников в регионе.

Таким образом, в 2021 году мы вполне можем увидеть новые случаи еще более масштабного чем прежде применения кибероружия, что способно спровоцировать полноценный военно-силовой конфликт.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

БАЗОВЫЙ

Следует ожидать дальнейшего роста кибератак, способных на время подорвать деятельность ключевых инфраструктурных объектов здравоохранения, финансовой, производственной, оборонной и энергетической систем.

Однако ущерб будет носить ограниченный характер, что не позволит выйти ситуации из-под контроля и привести к ответным действиям силового характера в физическом, а не виртуальном измерении.

Одновременно рост кибер-угроз будет стимулировать выработку соответст-

вующих скоординированных ответных мер, включая более обширные инвестиции в кибербезопасность.

Вместе с тем, межгосударственная кооперация в сфере кибер-угроз будет продолжать оставаться заложником геополитической конкуренции, что не позволит обеспечить выработку общих правил и снизить уровень рисков.

НЕГАТИВНЫЙ

Основным условием реализации негативного сценария является резкое нарастание геополитической напряженности между конкурирующими державами, которое может привести к началу масштабных кибератак на государственном уровне.

Потенциальными линиями конфликта могут стать ситуации вокруг иранской и северокорейской ядерных программ.

Однако более серьезным вызовом для глобальной стабильности станет возможный кибер-кризис с участием нескольких крупных мировых центров силы, включая США, КНР и Россию.

В этом случае спрогнозировать траекторию развития кризиса, как и его потенциальные последствия для мировой системы безопасности, будет крайне сложно.

В условиях полноформатной кибервойны между глобальными державами, мировое сообщество может столкнуться с беспрецедентным кризисом, способным не только парализовать значительную часть мировой экономики, но и поставить мир на грань реального военного конфликта.

РИСК 9

ЦИФРОВОЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Пандемия ярко высветила тот факт, что технологии, предназначенные для упрощения коммуникации, активно используются для массового и неконтролируемого сбора личной информации населения.

В результате колоссальной концентрации персональных данных в руках глобальных игроков рынка информационных технологий «цифровой контроль» над жизнью граждан приобретает тотальный характер, активно вторгаясь в юрисдикции национальных государств по всему миру.

В 2021 году страны Евразии окажутся перед сложным выбором формата и модели своей дальнейшей цифровой трансформации от полной рыночной свободы в цифровой сфере к более жесткому и однозначному определению границ цифрового суверенитета.

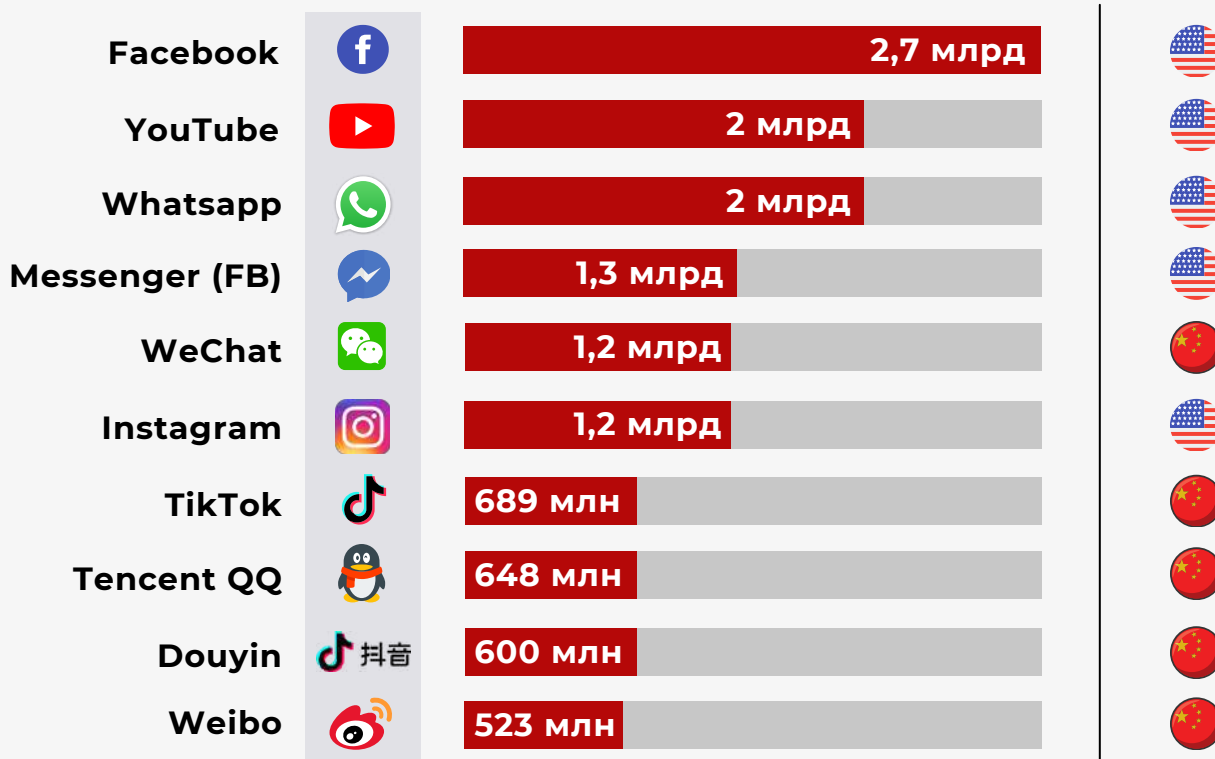
«ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»

Пандемия стала отправной точкой для окончательного оформления Data Economy и Data Society. В центре нового формата экономического устройства и бизнес-моделей фигурирует оцифрованная личность.

Персональные данные становятся основной экономической категорией – «нефтью XXI века».

ТОП-10 ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА-ПЛАТФОРМ ПО КОЛИЧЕСТВУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Страна
основания

Источник: Data Reportal

В новом цифровом обществе главной задачей является установление контроля над информацией по аналогии с управлением потоками мировых финансов и природными ресурсами.

Крупнейшие игроки рынка цифровой информации в лице Facebook, Apple, Google, Tencent и других аккумулируют на своих платформах колоссальные потоки метаданных, попутно оказывая масштабное влияние на социальные, культурные и даже политические процессы в обществах по всему миру.

Пятикратное увеличение объема данных, генерируемых государственными службами, компаниями и гражданами к 2025 году, позволит хозяевам информационных «банков» данных получить беспрецедентный в истории уровень доступа к частной жизни человека.

Монопольный контроль IT-корпораций над деятельностью ведущих социальных сетей уже позволяет им по собственному усмотрению определять допустимый контент, блокировать нежелательную информацию и формировать общественное мнение.

Соблюдение права на свободу слова в эпоху Интернета более не является гарантированным. Примеры блокировки аккаунтов и удаление постов по политическим соображениям, даже руководителей государств, делают рядовых пользователей зависимыми от идеологических установок и предпочтений коммерческих компаний.

В случае если государства не найдут инструментов воздействия на IT-гигантов, перспектива сохранения

«цифрового суверенитета» для каждой отдельно взятой страны будет стремиться к нулю.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Глобальный процесс оцифровки человека успешно прошел фазу создания «цифрового аватара» и перешел к этапу наполнения «цифрового профиля».

Помимо первичных данных о месте рождения и жительства, семейном положении и имуществе, профиль «обрастает» информацией из кредитного досье, полицейских баз данных и систем видео-наблюдения, сведениями о характере взаимоотношений с родственниками и соседями, об участии в благотворительных и иных акциях.

Фактически, от граждан более не требуется и согласия на сбор информации, который безостановочно ведётся с помощью сетей Wi-Fi, видеокамер с технологиями распознавания лиц, биометрических сканеров, QR-кодов и т.д.

Стив Дурбин,
Управляющий
директор Форума по
Информационной
безопасности (ISF)

Тесно связанная экосистема цифровых устройств позволит собирать, переиспользовать и продавать чувствительную поведенческую информацию о человеке без его согласия. Существует также растущее число секторов, где будет наблюдаться рост зависимости от поведенческой аналитики, включая финансы, здравоохранение и образование.

С внедрением технологий 5G и расширением спектра применения искусственного интеллекта (ИИ) профиль любого человека будет интегрирован с данными из «Интернета вещей», табелями успеваемости в образовательном учреждении, медицинской картой и т.д.

«Сращивание» человека с цифровыми гаджетами приводит к тому, что теперь компьютерные алгоритмы сами принимают решение за пользователя. При этом рекомендательный характер предложений легко может быть заменен на обязательный.

Механизмы «принудительной медицины» уже отрабатываются в рамках борьбы с распространением COVID-2019. Китайское приложение «Код здоровья», европейский портал «Gateway», приложения по выявлению цепей передачи коронавирусной инфекции от Apple и Google наглядно очерчивают потенциальные возможности цифрового контроля в медицинских целях.

В итоге, всё возрастающий доступ к персональной информации со стороны IT-гигантов и отдельных государств позволяет им запустить масштабные процессы поведенческого программирования.

Пример Китая, который создал для своего населения систему социального рейтинга, наглядно показывает возможности новых цифровых технологий. Запущенный социальный эксперимент по поведенческому программированию более миллиарда жителей крупнейшей по населению страны мира является беспрецедентным по своему масштабу и характеру.

Формирование «улучшенного» гражданина, принимающего новые правила игры в обмен на комфорт и различные преференции в социальной жизни, устанавливает тотальную информационную прозрачность человека перед контролирующими потоки информации корпорациями.

Владимир Якунин,
Заведующий
кафедрой
государственной
политики факультета
политологии МГУ
имени
М.В. Ломоносова

Признаки тотального цифрового контроля уже присутствуют в большинстве стран, где распространены Интернет и социальные сети. Ключевым становится вопрос регулирования этих технологий, обеспечения их безопасности. Традиционно это была сфера ответственности государства.

«БОЛЬШОЙ БРАТ» НАБЛЮДАЕТ...

Ситуация с пандемией COVID-2019 стремительно увеличила темпы внедрения технологий цифрового мониторинга поведенческой активности населения по всему миру.

Внедрение 5G-технологии и появление супер-скоростей для передачи данных дает беспрецедентный толчок для видеоаналитики. Так, мировой рынок видеонаблюдения увеличится к 2024 году на \$36 млрд при среднегодовом росте около 12%.

Согласно прогнозам, только в Европе и Северной Америке рост количества камер составит 18% ежегодно, что в итоге приведет к установке 420 млн камер к 2024 году.

Уже сегодня в Китае установлено порядка 200 млн камер, что делает возможным массовое применение технологии распознавания лиц. На сегодня, 18 из 20 самых «следающих» городов мира располагаются в именно в КНР.

Современные смартфоны также открывают беспрецедентные возможности для сбора информации о пользователе и окружающей его социальной среде.

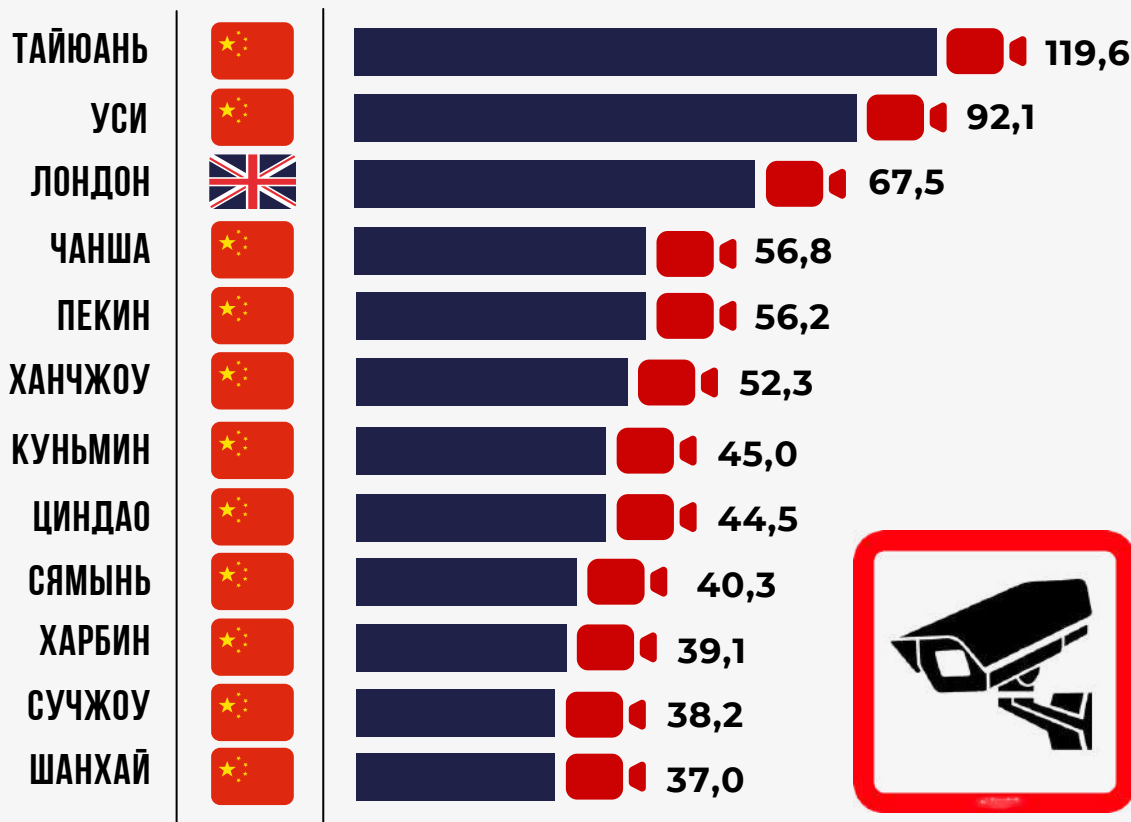
Согласно статистике, приводимой Exodus Privacy, практически в каждом приложении Android содержится минимум 1 трекер, отвечающий за рекламу, авторизацию и аналитику.

При этом техническая «начинка» используемых цифровых платформ позволяет передавать данные на сервера и облачные хранилища за пределами государственных границ, что ставит серьезные вопросы относительно обеспечения национальной информационной безопасности.

Фактически, речь идет о том, что правообладание цифровыми технологиями гарантирует контроль над теми, кто эти технологии использует.

ССТВ: САМЫЕ НАБЛЮДАЕМЫЕ ГОРОДА МИРА

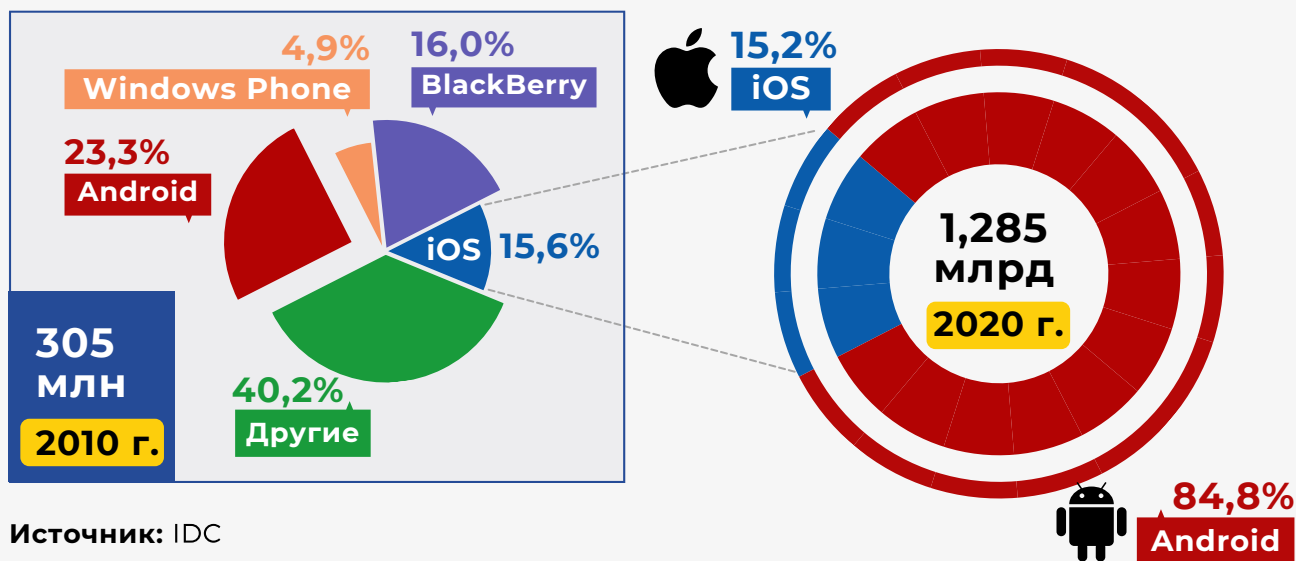
Города с наибольшим количеством камер наблюдения на **1000 жителей** в 2020 г.

Источник: Comparitech

ДУОПОЛИЯ ОПЕРАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Доля мирового рынка смартфонов по операционной системе

В итоге стремительно формирующееся на глазах глобальное цифровое пространство предполагает встраивание государств в систему новой бизнес-модели IT-гигантов, а не наоборот.

ПРОГНОЗЫ

Темпы глобальной цифровой трансформации в 2021 году и ближайшие последующие годы будут экспоненциально ускоряться практически по всему миру.

Пандемия стала лишь катализатором уже давно идущих процессов создания цифровой системы контроля за поведением людей в глобальном масштабе.

Гонка за биометрическими и другими персональными данными будет усиливать повсеместную интервенцию ведущих мировых игроков цифровой отрасли.

Дальнейшее использование накопленного объема персональных данных превращается в мощнейший инструмент поведенческого инжиниринга населения со стороны ведущих глобальных IT-монополистов.

В этих условиях продолжится и процесс срачивания интересов технологических гигантов с интересами и потребностями государств их основной юрисдикции, в том числе в решении задач внешней политики, экономической и идеологической экспансии.

Уже сегодня наблюдаются активные попытки использовать популярные социальные сети и мессенджеры для оказания влияния на социальные, культурные и политические процессы в целом ряде стран мира.

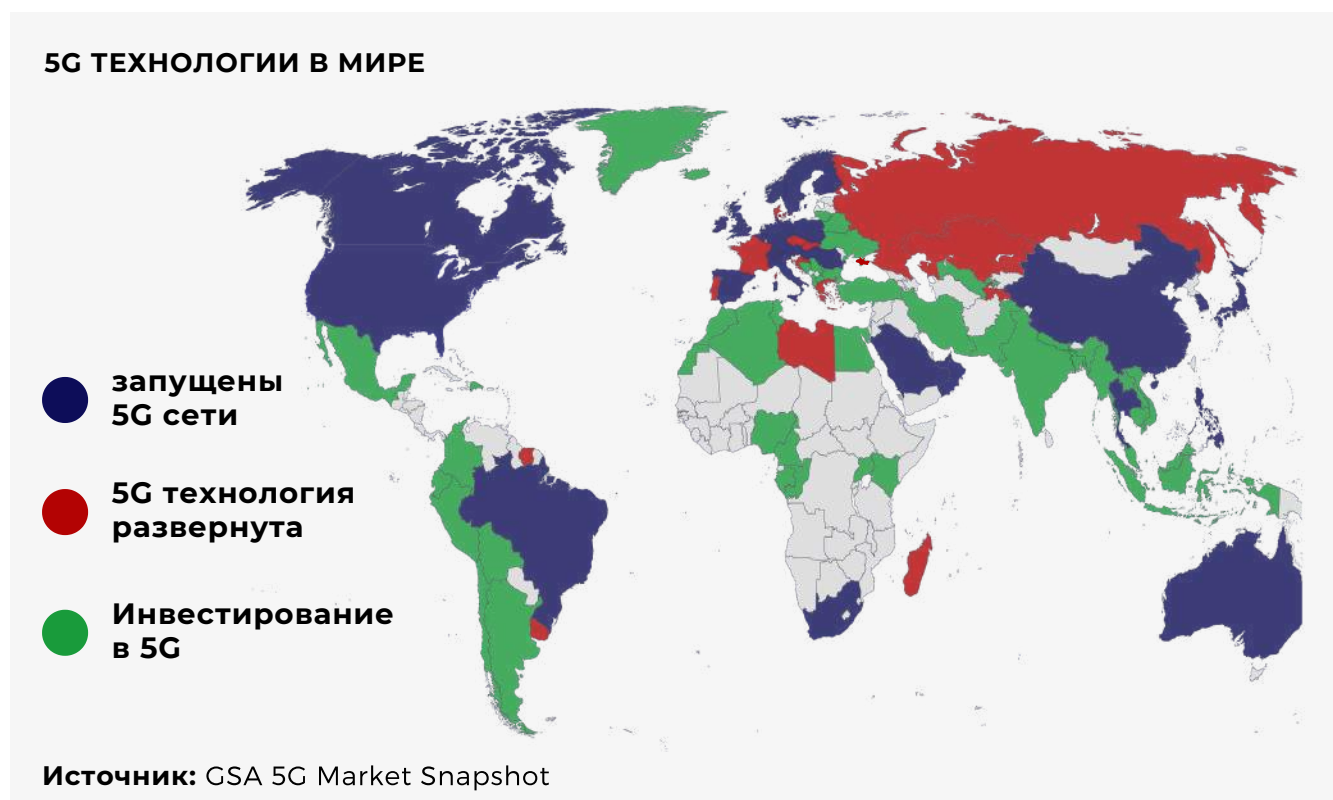
Однако на этом фоне продолжают укрепляться и ответная реакция к усилению национального «цифрового суверенитета» в рамках государственных границ.

Примеры Турции и других стран, которые законодательно пытаются ввести правила и ограничения для глобальных социальных сетей на своей территории, говорят о формировании нового устойчивого тренда на пространстве Евразии – цифровой суверенизации.

Успешность попыток государств обеспечить «национализацию» и защиту персональных данных своего населения будет напрямую зависеть от того, располагает ли та или иная страна возможностями создавать свои собственные технологические решения и стандарты в цифровой сфере.

По сути доступ к современным технологическим разработкам в области Big Data, искусственного интеллекта и 5G становится важнейшей гарантией выживания во все более агрессивном пространстве цифровой геополитической конкуренции.

Отстающие в цифровой гонке игроки со временем будут фактически лишены возможности полноценно обеспечивать собственный суверенитет, превращаясь в «цифровые колонии» лидеров глобальной технологической гонки.

Источник: Shutterstock
Автор: poppon

РИСК 10

ПРОВАЛ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

Источник: Shutterstock
Автор: L.F

Резкое торможение глобальной экономической активности, которое стало последствием пандемии COVID-19, привело к историческому снижению объемов выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в 2020 году.

COVID-19 МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ самое большое сокращение выбросов CO₂ в мире за всю историю человечества **(в млн тонн)**

Источник: The Guardian, Global Carbon Report

Однако последствия коронакризиса для глобальной эмиссии CO₂ будут носить краткосрочный характер.

В условиях, когда от темпов восстановления экономики зависит благосостояние миллиардов людей, наращивание объемов выбросов CO₂ неизбежно. В этих условиях правительства и бизнес могут «закрыть глаза» на экологические стандарты и приостановить процессы перехода к более низкоуглеродной экономике.

Для глобальной климатической повестки это означает:

- вынужденную паузу в международном сотрудничестве по вопросам изменения климата;
- перебои с финансированием глобальных климатических инициатив;
- снижение приоритетности целей в области устойчивого развития.

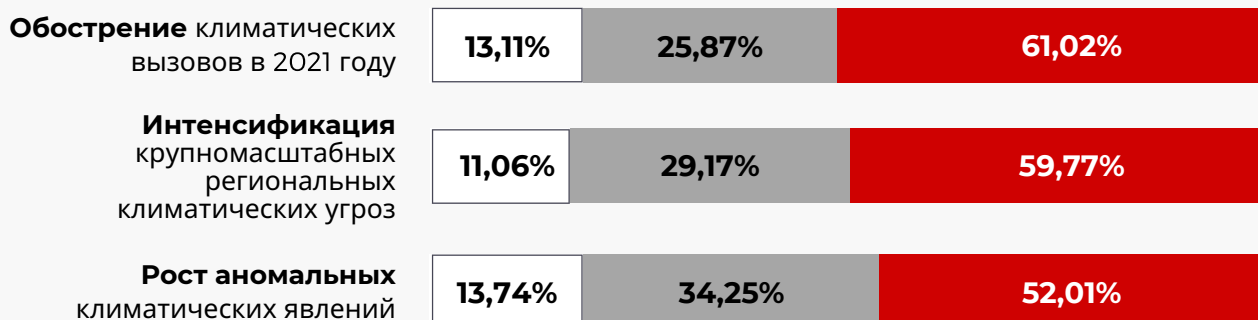
Согласно опросу Astana club, эксперты весьма высоко оценивают вероятность того, что в 2021 году глобальная климатическая повестка окажется в стадии заморозки, что отразится на росте экологических вызовов.

Источник: Shutterstock
Автор: Ugis Riba

Оцените вероятность следующих климатических вызовов в 2021 году

□ Низкая ■ Средняя ■ Высокая

Источник: Опрос Astana Club

«ЗАМОРОЗКА» МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Изначально 2020 год должен был стать важной вехой в глобальной борьбе с изменением климата. Однако пандемия вынудила перенести целый ряд ключевых международных встреч.

Перенос 26-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26) в Глазго на ноябрь 2021 года наглядно показал, что страны мира пока не готовы брать дополнительные обязательства по борьбе с последствиями изменения климата. Данное решение негативно скажется на реализации обязательств в рамках Парижского соглашения по изменению климата и планам по сокращению выбросов CO₂ в атмосферу.

С учетом того, что были также перенесены Всемирный конгресс по охране природы, Конвенция о биологическом разнообразии, Конференция ООН по мировому океану, Совещание по доработке Договора об открытом море и т.д. можно сделать вывод – внимание к экологической проблематике уделяется по остаточному принципу.

Снижение интенсивности в переговорах по расширению климатических обязательств подрывает уже достигнутые успехи мирового сообщества в данном направлении.

Ввиду крупнейшего экономического кризиса, вызванного COVID-19, часть стран могут вообще изменить свои приоритеты ради восстановления темпов экономического роста и ограничить бюджетное финансирование шагов по повышению устойчивости к изменению климата.

В среднесрочной перспективе формирующийся тренд не изменит и принятое новоизбранным президентом США Джо Байденом решение вернуть США в Парижское соглашение. Выбирая между сотрудничеством по борьбе с климатическими вызовами и восстановлением экономики, большинство правительств выберет экономику.

ЦЕНА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Учитывая, что возобновляемые источники энергии остаются сравнительно дорогими, вероятнее всего, для более

быстрого восстановления мировой экономики потребуются наиболее дешевая энергия.

Вероятно, что в период восстановления экономики, потребление нефти и угля увеличится, а правительства будут пренебрегать многими экологическими инициативами в пользу роста ВВП и социального спокойствия через обеспечения максимальной занятости населения.

Наиболее наглядно данный тренд прослеживается на примере потребления угля, который считается самым «грязным» видом ископаемого топлива.

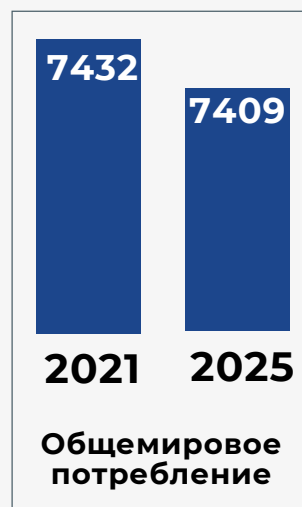
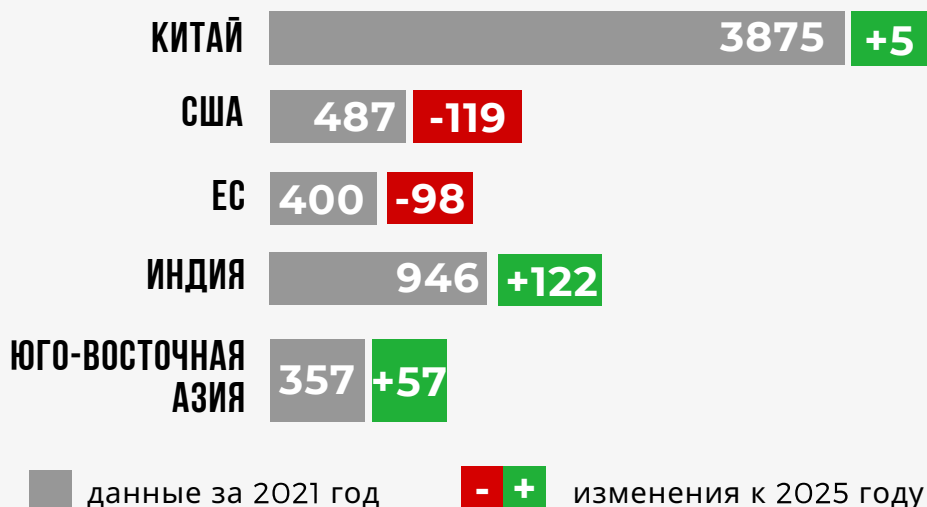
Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, в результате восстановления экономической активности и промышленного производства, а значит и роста спроса на электроэнергию, в 2021 году потребление угля в мире вырастет на 2,6% до 7432 млн тонн.

Несмотря на «зеленые» инициативы стран ЕС и США по снижению уровня потребления угля, к 2025 году спрос на данный вид топлива в глобальном масштабе будет оставаться значительным, уменьшившись лишь на 0,3% до 7409 млн тонн.

Практически весь спад потребления угля в развитых странах Запада будет нивелирован за счет роста спроса в Китае, Индии и странах Юго-Восточной Азии.

Такое развитие рынка топлива неизбежно отразится на уровне выбросов CO₂. Согласно прогнозу Bloomberg снижение объемов выбросов парниковых газов в атмосферу по итогам 2020 года, несмотря на пандемию, составит всего 8%. При этом в последующие годы данный показатель будет продолжать расти и лишь к 2027 году можно ожидать повторного снижения на 0,7% в годовом исчислении.

ИЗМЕНЕНИЯ МИРОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ УГЛЯ ПО РЕГИОНАМ (2021-2025) (в млн. тонн)

Источник: IEA Coal 2020

Фактически, коронакризис может существенно замедлить снижение доли традиционных источников топлива в мировом энергобалансе, что сдвинет сроки перехода к «зеленой» экономике на более отдаленную перспективу.

Алексей Кудрин,
Председатель Счетной палаты РФ; Министр финансов России (2000-2011)

В целом на ископаемые виды топлива – нефть, газ и уголь – совокупно придется 72,5% мирового энергобаланса. Несмотря на огромное падение в 2020 году, глобальный спрос на первичную энергию продолжит расти в среднесрочной и долгосрочной перспективе. С 2019 по 2045 год «другие возобновляемые источники энергии» – объединяющие в основном солнечную, ветровую и геотермальную энергию – будут расти в среднем на 6,6% в год.

НЕДОФИНАНСИРОВАНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ

Согласно опросу Astana club около 60% респондентов ожидают, что экономические последствия пандемии COVID-19 пагубно скажутся на финансировании международных климатических соглашений и инициатив.

Более 10 лет назад на переговорах по климату в ООН крупнейшие экономики мира согласились к 2020 году выделять развивающимся государствам ежегодно по \$100 млрд на борьбу с изменением климата.

Произойдет ли сокращение финансирования глобальных экологических инициатив в 2021 году?

57,15%

42,85%

- **Да.** Пандемия и вызванные ею мировой экономической кризис отодвинут вопросы финансирования климата на второй план
- **Нет,** финансирование климата не будет остановлено и ведущие государства мира смогут наладить действенные механизмы партнерства по борьбе с экологическими вызовами

Источник: Опрос Astana Club

Согласно публикуемым данным международного объединения Oxfam, в 2018 году в рамках климатической помощи развивающимся экономикам было выделено всего \$62,2 млрд. При анализе структуры данных поступлений отмечается, что почти 80% климатической помощи было реализовано в форме займов, а не грантов.

Фактически, страны со слабой экономикой оказываются в положении «климатических» должников, что противоречит изначальной концептуальной идее.

При этом, именно уязвимые к изменению климата развивающиеся страны больше всех нуждаются в финансировании адаптации к климатическим вызовам.

Существует реальная опасность того, что в 2021 году развивающиеся страны окажутся в еще более затруднительном

положении, так как возможности финансирования экологических проектов будут ограничены из-за дефицита свободных ресурсов у стран доноров.

В конечном итоге, учитывая масштабы разрушительного воздействия пандемии, переход к устойчивому развитию может затянуться на долгие годы. При этом для большинства развивающихся рынков возможности перестроиться на рельсы «зеленого» развития окажутся предельно ограниченными.

«ЗЕЛЕНОМУ» ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДАЛИ «КРАСНЫЙ СВЕТ»

Разрабатывая государственные программы по экономическому восстановлению после коронакризиса, многие правительства планируют поддержать развитие «зеленой» экономики.

Тем не менее дисбаланс между инвестициями в традиционные источники энергии и «зеленым» финансированием все еще остается значительным.

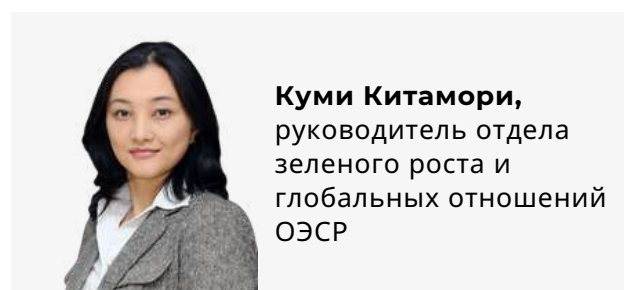
Исходя из данных, представленных Bloomberg NEF, инвестиции в возобновляемую энергетику в 2020 году составили \$303,5 млрд, показав рост на 1,7% по сравнению с 2019 годом. В 2021 году начата гонка за декарбонизацией мировой экономики будет продолжена.

Однако даже с рекордными инвестициями в электрифицированный транспорт и энергоаккумуляцию снижение объемов выбросов парниковых газов может оказаться недостаточным для того, чтобы предотвратить повышение температуры на Земле на 3,30°C к 2100 году.

Согласно прогнозам ВР, для того, чтобы реализовать сценарий «Нетто ноль» и добиться снижения объемов выбросов парниковых газов на 95% к 2050 году необходимо будет обеспечить инвестиции в развитие ВИЭ на уровне от \$500 млрд до \$750 млрд ежегодно. То есть текущий уровень финансирования возобновляемых источников должен быть увеличен как минимум вдвое.

Важно понимать, что без должной мотивации «зелёные» технологии будут развиваться по сценарию «Бизнес как обычно», и к 2050 году объемы выбросов будут всего лишь на 10% ниже уровня 2018 года.

Таким образом, можно заключить, что без резкого роста объемов финансирования разработок в области ВИЭ достижение целей устойчивого развития становится практически невыполнимой задачей.

Куми Китамори,
руководитель отдела
зеленого роста и
глобальных отношений
ОЭСР

Ограниченное фискальное пространство и бюджетный дефицит, вызванные экономическими последствиями пандемии, могут побудить правительства одобрить проекты и принять на вооружение политику, потенциально оказывающую негативное воздействие на окружающую среду, ради привлечения столь необходимых инвестиций и увеличения налоговых поступлений.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Коронакризисный шок отодвинул экологическую проблематику на второй план. В 2021 году вопросы климатических изменений опустятся в рейтинге первоочередных национальных угроз на менее приоритетные позиции.

Дальнейшее развитие ситуации в отношении управления экологическими рисками может проходить по следующим сценариям.

БАЗОВЫЙ

В 2021 году страны международного сообщества предпримут попытку перезапустить сотрудничество в сфере изменения климата. Однако из-за новой волны локдаунов и ограничений экологические договоренности, достигнутые до пандемии, будут пересмотрены.

Наиболее серьезные шаги по реализации целей глобального устойчивого развития и сокращению выбросов CO₂ вновь будут перенесены на более поздние сроки.

Ситуация будет осложняться тем, что инфраструктура большинства азиатских стран все еще сохраняет «настройки» под использование ископаемого топлива. Исходя из этого усилия развитых государств по декарбонизации экономик будут нивелированы ростом «грязных» производств в Азии.

При этом, самим государствам Евросоюза только предстоит разработать детальную «дорожную карту» инвестирования в «озеленение» экономики. Данный процесс завершится к середине 2021 года, а этап практической реализации начнется еще позднее.

Новой демократической администрации президента США, приверженной принципам устойчивого развития, также придется дождаться более благоприятных условий для имплементации экологических инициатив по борьбе с изменением климата.

В итоге в 2021 году можно будет наблюдать глубокую рассинхронизацию политики по борьбе с изменением климата на международном уровне.

НЕГАТИВНЫЙ

Отмена или очередной перенос важнейших экологических саммитов на 2022 год по причине нестабильной эпидемиологической обстановки закрепят тренд на деградацию системы международных договоров по охране окружающей среды.

Развивающиеся экономики будут вынуждены существенно сокращать инвестиции в ВИЭ, перенаправляя ресурсы в производство электроэнергии на ископаемом топливе, что приведет к резкому росту выбросов CO₂.

Примеры Мексики, Индии и Индонезии, которые в планах экономического восстановления делают фокус на поддержку предприятий, работающих на угольном топливе, весьма показателен. Об этом же свидетельствует прогнозируемый рост потребления угля в Китае крупнейшем источнике выбросов CO₂ в мире.

В результате уровень экологического загрязнения продолжит стремительно расти, также как и масштабы региональной диспропорции в Евразии по уровню внедрения зеленых технологий.

Источник: Shutterstock
Автор: Nico Garstman Photography

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошедший 2020 год войдет в историю человечества как период начала радикальных трансформаций. На наших глазах формируется новая глобальная реальность, которая вносит в жизнь множество элементов неопределенности – как новых вызовов, так и нераскрытых еще возможностей.

При этом пандемия, скорее, ускорила уже имеющиеся тенденции в мировой системе, нежели привнесла принципиально новое содержание. Тем не менее уже сейчас ясно, что последствия нынешнего коронакризиса будут иметь фундаментальный характер.

Анализ ключевых рисков для Евразии показывает, что одним из ключевых маркеров постпандемийной реальности станет дальнейшее отступление от сложившейся системы правил в мировой политике и экономике.

Груз необоснованных ожиданий от глобализации, а также COVID-шоки, с которыми каждой стране пришлось бороться в одиночку, убедил многих в том, что главным критерием выживаемости является самодостаточность.

Открытость и интегрированность в мировые цепочки больше не воспринимаются как преимущество, а наоборот – в качестве фактора уязвимости. Эти настроения в мировых национальных элитах только подстегнут рост экономического эгоизма и протекционизма.

Безусловно, часть глобальных цепочек производства и поставок будет восстановлена, но предпочтение будет отдаваться внутренним или внутрирегиональным цепочкам в рамках отдельных торгово-экономических блоков политически близких стран.

Как следствие, процессы деглобализации, начавшиеся еще с мирового финансового кризиса 2008 - 2009 гг. и ускорившиеся с приходом к власти волны популистов, получают новый импульс.

Проблема в том, что новый отход от глобализации будет происходить в тот момент, когда совместные действия нужны больше чем когда-либо. Отсутствие объединяющей повестки только ослабит почву для восстановления мировой экономики. А желание правительств защитить внутренние рынки резко усложнит работу глобальных институтов сотрудничества, таких как ВТО.

Помимо экономики, коронакризис закладывает мины в социальной сфере. Рост крайней нищеты, масштабная безработица, увеличение задолженности – всё это усугубит неравенство. Увеличение разрыва между богатыми и бедными станет серьезным источником политической нестабильности.

В результате, создаются предпосылки для возникновения масштабных политических кризисов, даже в экономически развитых и относительно благополучных странах.

Другой важный момент связан с цифровизацией, получившей гиперускорение в период пандемии. Наш обзор показывает, что государствам только предстоит вплотную столкнуться с вызовами кибер-безопасности, а многие риски еще не до конца осмыслены.

Обострение соперничества великих держав в сфере технологий грозит расколоть мир на параллельные друг другу киберпространства. Рост враждебности и взаимной конкуренции подстегнет развитие хакерских атак.

Уже в ближайшем будущем мы станем свидетелями новых случаев масштабного применения кибероружия. Учитывая непредсказуемые последствия кибератак, в какой-то момент они могут стать источником провоцирования настоящей войны.

Наконец, экономические последствия пандемии пагубно скажутся на климатической повестке. В условиях кризиса странам придется ограничить финансирование мер по борьбе с изменением климата. Ради восстановления своих экономик многие правительства временно «закроют глаза» на экологические стандарты.

Ключевые параметры нового, посткризисного цикла глобального развития выглядят примерно такими. При этом это только малая часть возможных трансформационных сдвигов. Полное осознание структурных изменений и афтершоков пандемии нам еще только предстоит.

Очевидно одно: вне зависимости от своего месторасположения или размеров, ни одно государство Евразии не сможет остаться в стороне от процессов, которые будут происходить в ближайшем будущем. Любой серьезный кризис, где бы он не произошел, обязательно отразится на благосостоянии всех евразийских обществ.

Именно поэтому в нынешних условиях растущей фрагментации и геополитической конкуренции важен честный и конструктивный диалог между всеми участниками международного сообщества. Поддержание такого диалога критически необходимо во избежание фатальных ошибок и недопониманий в оценке действий и намерений своих партнеров и соперников.

В этой связи, цель нашего доклада не только предоставить ведущим политикам, дипломатам и экспертам возможность изложить свои оценки грядущих рисков и тенденций развития, но и заложить основу для дискуссии относительно формирования общего видения настоящего и будущего.

Мы ясно осознаем, что нахождение компромиссов и достижение общности интересов требуют значительного времени и усилий, но движение к этому следует начинать уже сегодня.

В создании атмосферы откровенного диалога относительно будущего Большой Евразии видит свою миссию Astana club.

Мы выражаем огромную благодарность и признательность экспертам, которые внесли значительный вклад в подготовку рейтинга глобальных рисков для Евразии в 2021 году:

- 1. Алексей Арбатов**, руководитель Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова
- 2. Шломо Бен-Ами**, бывший министр иностранных дел Израиля, вице-президент Международного Центра Толедо за мир
- 3. Эрик Браттберг**, директор Европейской Программы, научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир
- 4. Евгений Бужинский**, председатель совета, ПИР-Центр
- 5. Ван Хуэйяо**, президент «Центра изучения Китая и глобализации» (CCG)
- 6. Евгений Винокуров**, директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития
- 7. Сергей Глазьев**, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии
- 8. Агата Демарис**, директор по глобальному прогнозированию в The Economist Intelligence Unit (EIU)
- 9. Ламберто Дзанньер**, бывший верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств, бывший генеральный секретарь ОБСЕ (2011-2017)
- 10. Стефан Дугуин**, генеральный директор CyberPeace Institute
- 11. Стив Дурбин**, управляющий директор Форума по Информационной безопасности (ISF)
- 12. Лассина Зербо**, исполнительный секретарь Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ)
- 13. Сергей Зилитинкевич**, научный директор Института атмосферных и земных систем Хельсинкского университета
- 14. Билахари Каусикан**, председатель Института по изучению Ближнего Востока при Национальном Университете Сингапура, бывший постоянный представитель Сингапура в ООН
- 15. Георгий Квирикашвили**, международный советник ЕБРР, премьер-министр Грузии (2015-2018)
- 16. Ангела Кейн**, вице-президент Международного института мира (IIP), высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2010 - 2015)
- 17. Дэрил Кимбалл**, исполнительный директор Ассоциации по контролю над вооружениями
- 18. Куми Китамори**, руководитель отдела зеленого роста и глобальных отношений ОЭСР
- 19. Андрей Картунов**, генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД)
- 20. Люк Кофи**, директор Центра по международной политике в Heritage Foundation
- 21. Ариэль Коэн**, член Совета по международным отношениям (CFR)

- 22. Алексей Кудрин**, председатель Счётной палаты Российской Федерации
- 23. Кришна Кумар**, директор по международным исследованиям в корпорации RAND
- 24. Риаз Кхокхар**, посол, бывший Государственный секретарь иностранных дел Пакистана
- 25. Филип Ле Корре**, старший научный сотрудник Центра бизнеса и управления Mossavar-Rahmani и центра Belfer по науке и международным делам при Гарвардском Университете
- 26. Ив Летерм**, премьер-министр Бельгии (2009-2011)
- 27. Йоханнес Линн**, главный научный сотрудник по Глобальной экономике и Развитию Брукингского института, экс-Вице-президент Всемирного банка
- 28. Эдвард Люттвак**, старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (CSIS)
- 29. Фархад Мамедов**, политический обозреватель информационного агентства 1news.az, ведущий советник фирмы Successful strategies
- 30. Бруно Масаеш**, старший советник Flint Global, главный научный сотрудник Института Хадсона, министр Португалии по европейским делам (2013-2015)
- 31. Тим Маурер**, со-директор Cyber Policy Initiative, старший научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир
- 32. Сейед Мусави**, заместитель министра и генеральный директор по Западной Азии в министерстве иностранных дел Ирана
- 33. Анна Паласио**, бывший глава МИД Испании, экс вице-президент и главный советник Группы Всемирного Банка, приглашенный профессор Джорджтаунского Университета
- 34. Евгений Питолин**, управляющий директор Kaspersky в Центральной Азии, странах СНГ и Балтии
- 35. Мэтью Рожански**, директор института Кеннана в Международном научном центре имени Вудро Вильсона
- 36. Дэн Смит**, директор Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI)
- 37. Пол Стронски**, старший научный сотрудник Программы по изучению России и Евразии Фонда Карнеги за международный мир
- 38. Данило Тюрк**, президент Словении (2007-2012), президент Мадридского клуба
- 39. Франко Фраттини**, министр иностранных дел Италии (2002 - 2004, 2008 - 2011)
- 40. Эндрю Шенг**, научный сотрудник Азиатского глобального института Гонконгского университета, член Консультативного совета ЮНЕП по устойчивым финансам, бывший председатель Гонконгской комиссии по ценным бумагам и фьючерсам
- 41. Мохаммед Эль-Барадеи**, генеральный директор Международного агентства по атомной энергии, МАГАТЭ (1997-2009), лауреат Нобелевской премии мира 2005 года, вице-президент Египта (2013)
- 42. Владимир Якунин**, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель наблюдательного совета исследовательского института «Диалог цивилизаций»

Отчет составлен на основе обширной работы, проделанной двумя командами: Институтом мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Нурсултана Назарбаева и International Strategy Partners Group (ISPG).

Выражаем признательность следующим членам команды Института мировой экономики и политики при Фонде Нурсултана Назарбаева:

1. **Ержан Салтыбаев**, директор Института мировой экономики и политики
2. **Жумабек Сарабеков**, руководитель программы «Евразийских исследований»
3. **Ерлан Мадиев**, руководитель программы «Китайских и азиатских исследований»
4. **Лидия Пархомчик**, ведущий эксперт программы «Евразийских исследований»

Выражаем признательность следующим членам команды ISPG: **Максат Курбенов**, управляющий директор, **Батихан Калибеков**, руководитель проектов, **Жадыра Алтынбаева**, координатор международных проектов.

Выражаем признательность **Фонду Нурсултана Назарбаева**, благодаря финансовой поддержке которого стала возможна публикация данного доклада.

Рейтинг «Топ-10 рисков для Евразии в 2021 году» составлен Институтом мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Нурсултана Назарбаева при содействии International Strategy Partners Group (ISPG) на основе:

- опроса более 1200 респондентов из 75 евразийских стран по главным глобальным рискам для Евразии в 2021 году;
- экспертных мнений и оценок более 40 авторитетных мировых специалистов по вопросам геополитики, экономики, технологий и безопасности (список см. выше);
- данных отчетов международных финансовых центров и институтов развития, включая Всемирный банк, ООН, МВФ, ОЭСР и др.

Рейтинг «Топ-10 рисков для Евразии в 2021 году» не привязан к отдельным странам, и отражает процессы и тенденции для всей Евразии в целом.

Исследование экспертов основано на комплексном анализе текущих процессов и тенденций в различных сферах на пространстве Евразии.

Права на использование рейтинга

«Топ-10 рисков для Евразии в 2021 году» принадлежат Институту мировой экономики и политики при Фонде Нурсултана Назарбаева.

Данная публикация предназначена для информативных целей. Представленный в рейтинге анализ основан на оценочных мнениях международных экспертов. Информация, содержащаяся в этой публикации, была составлена и получена из источников, которые считаются надежными и заслуживающими доверия.

Некоторые заявления в этой публикации являются прогнозными и указывают на будущие события и тенденции. В то же время нужно учитывать, что множество известных и неизвестных факторов влияют на фактическую ситуацию, что может повлиять на точность выраженных прогнозов. Поэтому, мы допускаем, что события, которые будут происходить в 2021 году, могут отличаться от представленных в этом докладе оценок, сценариев и прогнозов.

Настоящая публикация не может быть воспроизведена полностью или частично без предварительного письменного разрешения Института мировой экономики и политики при Фонде Нурсултана Назарбаева.

ФОНД НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

крупнейший некоммерческий фонд в Казахстане, созданный в 2000 году по личной инициативе Первого Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева.

Одной из важнейших составляющих миссии Фонда является формирование диалоговых платформ по вопросам политики, экономики, международных отношений и безопасности.

Фонд реализует проекты, направленные на повышение конкурентоспособности человеческого капитала, поддержку талантливой молодежи и формирование новой генерации казахстанцев.

Работа Фонда также направлена на развитие социальных проектов и гражданских инициатив, развитие конкурентоспособного экспертно-аналитического центра.

КОНТАКТЫ

+7 (7172) 70 83 04
Astana_fond@fpp.kz

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ (ИМЭП) ПРИ ФОНДЕ НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

создан в 2003 году. Деятельность ИМЭП направлена на научные исследования проблем мировой экономики, международных отношений, геополитики и безопасности, а также на изучение деятельности Первого Президента Республики Казахстан и его вклада в создание и укрепление Казахстана как независимого государства, содействие глобальному миру и стабильности.

ИМЭП сочетает в своей деятельности независимый характер исследований с активным участием в международных экспертных проектах.

Вместе с Фондом Нурсултана Назарбаева, ИМЭП является организатором ежегодного заседания крупнейшего в Центральной Азии международного дискуссионного форума «Astana Club».

КОНТАКТЫ

+7 (7172) 70 83 26
office@iwep.kz